

Марина Крапивина

В жизнь интеллигентной столичной семьи — высокомерной, пассивной и непрактичной — врывается витальная молодая провинциалка с тяжелым прошлым. «Три сестры» Чехова в современной Москве с ее драматическим социальным неравенством. Об авторе: Российский драматург, сценарист. Родилась и живет в Москве. Окончила Московский университет печати. Финалист драматургических конкурсов «Любимовка», «Свободный театр», «Евразия», «Кульминация» и др. В 2012 году состоялись две дебютные премьеры: пьеса «Ставангер»: в Таллине («Новый театр», реж. Юрий Муравицкий и в Лиенае (Лиенайский драматический театр, реж. Константин Богомолов). С М. Крапивиной работали режиссеры: Дм. Брусникин («Тобольск. Доска почета», Тобольский драматический театр им. Ершова), Т. Баталов («Шкаф», Красноярский ТЮЗ, «Переход, Саратовский ТЮЗ»), Р. Маликов («Бросить легко», «Прикасаемые», Театр Наций), Вл. Скворцов («Тайм-аут», Тверской ТЮЗ) и др. Пьесы переводились на английский, польский языки.

АБУЛИЯ

(пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА КИРИЛЛОВА, 73

АНДРЕЙ КИРИЛЛОВ, 43, ее сын

МАША КИРИЛЛОВА, 32, сестра Андрея

НАТАША, 38

МАРК, друг детства Андрея, 43

АНЯ, 37, соседка Кирилловых

МИША, муж Ани

ДРУГИЕ: ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Действие происходит в квартире Кирилловых на улице Тверская или на даче Кирилловых в Подмосковье.

СЦЕНА 1

Квартира Кирилловых на Тверской. Раздается звонок в дверь. Звонят долго и настойчиво.

Из комнаты в прихожую выходит пожилая женщина в ночной рубашке (это Ольга Сергеевна), набрасывает на себя халат. Она смотрит в глазок, открывает дверь, отступает в изумлении. В квартиру входят двое мужчин: один из них знакомый, это сосед по лестничной площадке Миша и Человек в штатском, как принято их называть.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Миша?

МИША. Ольга Сергеевна, а я думал, вы на даче. Дальше бы пошли. Вы же обычно на даче в это время.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Да какая дача, холодно еще. А что случилось-то?

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ (*быстро развернув удостоверение*). Ваши окна выходят на улицу. Плановая проверка. Дома кто-нибудь есть?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Есть, сын, но он спит, по-моему.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Разрешите? (*делая стремительный шаг в квартиру*)

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А если я не разрешу? (*преграждая ему путь*)

МИША (*миролюбиво наступая*). Ольга Сергеевна, вы нас извините за ранний визит. Но мы же с вами соседи, общий балкон. Это, сами понимаете, меры безопасности перед праздником.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Советую не оказывать сопротивление.

МИША. Да никто не оказывает, Валерий Геннадьевич. Ольга Сергеевна, мы быстро глянем и пойдем. Дольше говорим.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*вяло*). Делайте что хотите. (*пропускает*)

Человек в штатском проходит в большую комнату с балконом.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Значит, здесь зала у вас?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Залы это во дворцах, у нас квартира четырехкомнатная.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ (*невозмутимо*). Тээкс. Балкончик посмотрим. Можно?

Ольга Сергеевна жестом разрешает. Человек в штатском открывает балкон. Видит обычный хлам: зимнюю резину, какие-то банки и пр.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Это надо убрать.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Это обычный хлам! Куда я его?

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Надо убрать.

МИША. Надо убрать.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я таскать это не буду, сын проснется – уберет.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ (*Мише*). Надо, чтобы к четырем не было.

МИША. Ольга Сергеевна, вы уж Андрею скажите, хорошо?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Господи помилуй!

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Еще помещения с балконами есть?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Нет.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Тогда закройте окна, выходящие на улицу и после трех на балкон не выходить.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Это еще почему. Мне нужен воздух.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ (*показывает на закрытую дверь*). Там что?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Там сын спит, спальня его. Там балкона нет.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Приоткройте.

МИША (*тихо*). Да не надо, Валерий Геннадьевич. Нет там ничего.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Ну ладно.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*игриво, ёрничает*). А из нашего окна Площадь Красная видна!

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ (*что-то отмечает в блокноте*). А из нашего окошка только улица немножко. Обязательно окна закройте и шторы желательно.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Прямо светомаскировка. Война, что ль?

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. А там кухня?

МИША. Вот чтобы не было войны.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Там двор.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Проживающих без регистрации, иностранных граждан нет?

МИША. Нет здесь никаких иностранных граждан, Валерий Геннадьевич.

ЧЕЛОВЕК В ШТАТСКОМ. Ну хорошо. Тебе я верю. Спасибо за сотрудничество. Всего хорошего.

Все трое двигаются к прихожей, сами открывают дверь, выходят. Миша выходит последним, оборачивается.

МИША. Ольга Сергеевна, извините за беспокойство, но сами понимаете. Служба есть служба.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Да ладно. Ты бы хоть предупредил.

МИША (*улыбаясь*). Так я думал, вы на даче.

СЦЕНА 2

Квартира Кирилловых. Дверь открывается, входят Маша и Наташа с чемоданами. Проходят в гостиную. Там Ольга Сергеевна смотрит телевизор.

ГОЛОС ИЗ ТЕЛЕВИЗОРА. Евросоюз призвал российские власти начать открытое расследование. Наказать виновных потребовала Ангела Меркель. Российские власти называют провокацией обвинения в отравлении бывшего российского дипломата, который с 2007 года проживал в швейцарском городе... заявляют о своей непричастности к...

МАША. Ой, мама, а я думала, вы с Андреем на даче.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Сегодня все думают, что мы на даче.

НАТАША. Здравсте!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Здравствуйте.

(Она выключает телевизор или приглушает звук.)

МАША. Мама, это Наташа, помнишь её? Мы с ней на Курском встретились.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ах, Наташа? *(всматривается)* А я сослепу без очков и не узнала. Вот что время делает! Какими судьбами? Маша, ты меня удивляешь? У нас полный бедлам, а ты даже не сказала...

МАША. Mam, я, правда, думала, вы на даче...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА *(перебивает)*. Ну хватит уже про эту дачу, иди чайник лучше поставь.

МАША. У нее умер муж в Германии, и ей негде остановиться.

НАТАША. Я только вещи оставлю?

Маша выходит.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Муж умер? В Германии? О, конечно, Наташенька, это ужасно. Мои соболезнования!

НАТАША. Это случилось так внезапно *(начинает плакать)*. Инфаркт. Я просто убита.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. О, как я тебя понимаю. Когда умирал Алексей Владимирович, я тоже была убита.

МАША *(возвращается, приносит чашки, тарелки, вазу с печеньем и пр.)*. Mam, а Андрей где?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА *(с раздражением)*. Ну что ты принесла это печенье, оно клопами пахнет. Наташенька, помогите Маше, там у меня в холодильнике половина Праги осталась, очень неплохая, как раньше была.

Наташа выходит.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА *(тихо)*. Андрей у Ани, где еще ему быть, хотя здесь Миша. Они же...

МАША. Понятно.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты бы хоть как-то повлияла на него как психолог.

Возвращается Наташа с тортом «Прага» в коробке.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташенька, а ты вроде темненькая тогда была? А теперь беленькая!

Садятся за стол.

Ну давайте чай пить. Я очень люблю «Прагу», но это уже другой вкус – лже! Наташа, вы с дороги. Вам надо что-то существенное. Маша, у нас котлеты остались...

НАТАША. Да вы не беспокойтесь, Ольга Сергеевна. Я на вокзале беляш скушала.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Беляш? Что вы, Наташенька, беляши на вокзалах есть нельзя. Там одни черные торгуют. Они туда крыс кладут! Об этом писали в «Аргументах и фактах»... (*понижив голос*). И не только крыс.

МАША (*разливает чай*). Mam, ну хватит всякую чушь пересказывать.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. У тебя мать всегда говорит чушь.

НАТАША. А я крыс не боюсь. Я ж в интернате росла, а там крыс полно было. Помню, зимой батареи вырубали, так я просыпаюсь от того, что кто-то щекочет мой нос, открываю глаза, а у меня на груди крыса сидит, греется, вот такая (*показывает внушительный размер крысы*).

Пауза ужаса и изумления.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ужас какой! (*отхлебывает чай, с отвращением*) Маша, почему он опять теплый? Только Андрюша умеет заваривать чай. Господи, какая трагедия! Родители умерли - ребенок растет в приюте!

НАТАША. Не, меня мать отдала.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как отдала? Собственноручно? Да разве так можно? Ааа! Родители - алкоголики, наркоманы, да? Досталось тебе, бедная? (*Ольга Сергеевна смотрит на Наташу с жалостью, как на брошенную собаку*). Даже во время войны так не делали! Нет никакой ответственности за детей.

НАТАША. Да не, папка выпивал, конечно, но не сильно. Просто с сигаретой заснул, и дом сгорел, а у мамки нас четверо было, и она нас с братом как самых старших отдала. Вы не думайте, она от нас не отказывалась, она добрая, просто она к бабушке после пожара уехала с младшими сестрами в Ростов, а у бабушки и так однокомнатная, куда она нас всех приволокёт?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. И ты теперь в Москве останешься, Наташенька?

НАТАША. Я бы в Германии осталась, но мы с Генрихом всего три года прожили, а брачный контракт на десять лет рассчитан, пришли его дети: и ауфидерзейн, как говорится. Хотела к матери поехать, так паспорт потеряла, я у вас просто вещи оставлю, пока мне справку сделают, а сама работу и жилье буду искать. Я не хочу вас напрягать.

МАША. Mam, где Наташа будет спать, может, в кабинете?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Да ты что, Марусь? *Я (с ударением на Я)* там даже не сплю никогда. Вы извините, Наташенька. Моя дочь иногда такое сморозит, просто туши свет. Вы же помните Алексея Владимировича?

НАТАША. Ага. Еще бы не помнить, он такой... хоть и болел тяжело, но красивый был и интересно слушать его было, и я его боялась, он строгий был.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*достает платок, вытирает слезы*). Ах! Как ты сказала: красивый и строгий! И мы его боялись. (*Видно, что Маша не разделяет это мнение.*) Знаешь, он интенсивно работал. Кафедру марксизма-ленинизма тридцать лет возглавлял, это была серьезная наука, он постоянно занимался, писал монографии, статьи. Это такое напряжение, такое напряжение! (*пауза*) Как же я скучаю без него, я не могу туда войти без подготовки. Разве мало комнат в квартире? (*думает*) Вот что, ты будешь тогда в бельевой, у нас там раньше жила домработница Клава, а потом мы там устроили бельевую, когда дети родились, но кровать там осталась Клавина. А теперь там лавка древностей, как называл эту комнатку Машин папа. Надо эту «Вятку» наконец уже выкинуть! Сколько раз я Андрею говорила. Ты ему звонила, Маша?

МАША. Звонила.

СЦЕНА 3

Квартира Ани. Андрей сидит на диване перед журнальным столиком, на котором стоит ноутбук. Аня быстро переодевается, не стесняясь Андрея.

АНЯ. Вечно он внезапно возвращается из своих командировок, хорошо хоть звонит.

АНДРЕЙ. Ну и что, сосед не может зайти к соседке почистить ноут? И он к нам заходил, явно клинья подбивал к Маше.

АНЯ. Да? Я не знала.

АНДРЕЙ. У тебя, кстати, правда, комп тормозит, даже не пойму отчего.

АНЯ. Может, он мне насовал туда шпионских программ? Тестирует.

АНДРЕЙ. Да вряд ли, антивирус такие вещи отслеживает.

АНЯ. Они сами эти вирусы создают, а потом антивирусы. И чего мы раньше даже знакомы не были.

АНДРЕЙ. Так ты здесь не жила.

АНЯ. Мы к бабушке часто приезжали. Ни разу тебя не встречала. А у вас тоже квартира от НКВД?

АНДРЕЙ. Нет, у нас дед был из партийной номенклатуры, а отец в военной академии преподавал.

Слышно, как открывается дверь в прихожей.

АНЯ. Слышишь? Это он.

Входит Миша.

МИША. О, какие гости! Андрюха! Какими судьбами?

АНДРЕЙ. Тормозит комп у Ани.

МИША. Опять, значит, тормозит?

АНЯ. Тестируешь на мне программки свои?

МИША (*пытается ее потискать, она пытается уклоняться*). Да, да, да. Всё на тебе тестирую: и хакерские программы, и торсионный генератор, и красную ртуть. Сходи к Маше, попроси у нее рецепт от паранойи.

АНЯ (*раздраженно*). Сколько можно повторять, Маша не психиатр, она рецепты не выписывает.

МИША. Ну, я пошутил.

Раздается звонок сотового Андрея. Он берет, нажимает «ответить». Встает, отходит в сторону, старается говорить тихо.

АНДРЕЙ. Дауд? (пауза) Опять протекает? (пауза) Мне приехать? (пауза)

МИША (*параллельно звонку: хлопает по попе Аню*). Иди там сваргань че-нить.

Аня выходит.

АНДРЕЙ (*продолжает говорить*) Нет, окна не надо трогать. (пауза) Это старинные окна с фрамугами. (пауза) Хорошо, я зайду сейчас. (*нажимает отбой*) Затрахал этот Дауд.

МИША. Чё, жилец напрягает? Хочешь помогу?

АНДРЕЙ. Просто устал общаться с этими людьми. Все тебя пытаются нахлобучить.

Возвращается Аня с подносом, на котором бутылка виски и стаканы.

МИША. Если будет наглеть, только свистни, мы ему хвост прижмем, что у него за фирма? (*Ане, грубо*) Ты чё принесла?

АНДРЕЙ (*смотрит на часы*). Мне ничего не нужно, я ухожу. И пожалуйста, Миша, не надо ничего прижимать никому. Зря я вообще это сказал. Пока.

Андрей уходит.

МИША. Пока-пока.

Андрей уходит. Миша какое-то время молчит.

МИША. К дедушке твоему надо бы сходить на могилку, давно не были. У нас водка осталась? Я ненавижу виски.

Аня слышит, как хлопает входная дверь, из правого глаза у нее стекает слеза, она резко встает, идет в ванную, открывает шкафчик, находит там какие-то таблетки, глотает сначала одну, потом другую, запивает виски, который тоже там стоит.

СЦЕНА 4

Маша и Наташа разбирают хлам в крошечной комнатке, бывшей «бельевой».

На стене висело несколько книжных полок, забитых пыльными старыми книгами, собрание сочинений Драйзера, Сергей Михалков, Серия Приключений, зеленые сборники русской и советской поэзии.

МАША. Делай с комнатой что хочешь, я бы все отсюда выкинула, включая книги вместе с книжными полками.

НАТАША. Книги не жалко? У нас была одна полка с книжками, и все из библиотеки. Любовные романы, какой-то советский детектив и Есенин, отец любил Есенина.

МАША. Это не книги, а пылесборники. *(Раздается звонок в дверь. Слышен голос Ольги Сергеевны: «Маша, это, наверное, Марк пришел!»)* Ну, устраивайся.

Маша уходит.

На панцирной сетке лежит матрас, подушка, одеяло, чистое белье и полотенце. Наташа ложится, не раздеваясь, на матрас, слышит, как громко тикают старинные часы-ходики на стене. Она встает на кресло, дотягивается до часов и останавливает их.

После этого Наташа опять ложится на голый матрас и быстро засыпает на животе.

СОН НАТАШИ

Зима, Наташе восемь лет. Она ждет мать, которая зашла в кабинет к директорше интерната. Дверь плотно закрыта, Наташа сидит на банкетке с дерматиновым покрытием и ковыряет дырку, из которой торчит белый наполнитель. Наконец мать выходит вместе с директоршей. Наташа подбегает к матери, тянет руку, та почему-то прячет руку в карман пальто, тогда Наташа хватается за полы пальто, мать шипит:

МАТЬ *(и бьет ее по руке)*. Отцепись.

Наташа чувствует свою вину, начинает хныкать.

МАТЬ. Заткнись, кому сказала.

ДИРЕКТРИСА. Наташенька *(голос директорши, напротив, нарочито ласковый)*. Ты сегодня останешься здесь, пойдем со мной *(протягивает руку Наташе. Мать в это время ускоряет шаг и почти бежит к двери.)*

Наташа плачет, бежит за матерью, ее держат за руку, она вырывается, бежит, но чувствует, что ноги ватные, что бежать она не может, она плачет, кричит «мама, мама», задыхается и просыпается в темной комнате.

СЦЕНА 5

Наташа садится на кровати, прислушивается, слышит приглушенные голоса и бормотание радио. Ее комната примыкает к кухне.

Она берет первую попавшуюся книгу, «Сказки» Андерсена, какое-то время она стоит у приоткрытой двери и слушает разговор на кухне, а потом выходит в ярко освещенную кухню, как на сцену. Она смотрит на стол, на котором стоит бутылка вина, заварочный чайник, чашки, торт. За столом сидят люди: кроме Ольги Сергеевны и Маши, еще двое незнакомых мужчин. Это Андрей и его друг художник Марк.

МАРК. Все эти хэппенинги, перформансы, весь этот так называемый контерпорари арт это туфта... Вы понимаете, что они монетизировали искусство? Это уже не искусство. Художник, который умеет рисовать, это уже, по мнению кураторов, просто ремесленник. Ну хорошо, а кто их на это уполномочил? Ну вот я пишу собачек, котиков, и я честно говорю, что это заказ, за который мне платят, а искусством я дома занимаюсь, в свободное время.

НАТАША *(быстро смотрит на Марка, заметно смущается)*. Ой, здравствуйте.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А вот и наша Наташа. Наташенька, познакомься, это друг Андрея – Марк, талантливый художник.

МАРК. Все талантливые за границей, Ольга Сергеевна.

МАША. Наташ, чаю не хочешь?

МАРК. А может, винца слегонца?

НАТАША. Чаю я выпью, спасибо... ой, спасибо большое! Я щас только, вот, мне надо, это, в тубзик зайти. *(ее смущает, что и туалет примыкает к кухне)*

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА *(понимает ее смущение)*. У нас два клозета, Наташенька. Второй там, возле прихожей, рядом с кладовкой. *(тут Ольга Сергеевна замечает в руке у Наташи книгу.)* Это что у вас, Андерсен? А я его обыскала.

НАТАША. Угу *(Наташа уже хочет двинуться в коридор)*.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташенька, я надеюсь, ты не собираешься идти в туалет с книгой? *(Наташа опешила. Она остановилась, прижав книгу к груди.)*

МАРК. «Дочь советской Киргизии».

НАТАША. Так я думала, там хлам один, чего ж не взять. А почему Киргизии?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Хлам? Как книги могут быть хламом?

АНДРЕЙ. Это картина Чуйкова, там девушка с книгами стоит.

МАРК. Вы так грациозно застыли с этой книжкой, что мне захотелось вас написать.

МАША. Мама, это я сказала Наташе, что в той комнате один хлам и она может с ним делать, что хочет.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А меня спрашивать уже не надо? «Хлам»! У нас не принято книги в отхожее место носить.

АНДРЕЙ. Мамуль, а как же Николай Второй, у него в сортире целая библиотека была...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Вот поэтому он так плохо кончил, ваш Николай.

АНДРЕЙ. Вы так не пугайтесь, Наташа. Мама нам тоже запрещает читать в туалете. У мамы пунктик.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Это не пунктик, это принципы.

МАША (*закатывает глаза*). Начинается...

(*Андрей встает из-за стола, подходит к Наташе, мягко забирает у нее Андерсена*).

АНДРЕЙ. Хороший выбор, кстати. Здесь есть одна сказка, моя любимая... «Красные башмачки»... Давайте я вас провожу до другого туалета.

Они выходят.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Твой отец к книге относился как к святыни, но для вас ничего не свято...

СЦЕНА 6

Прошло два месяца. Семья Кирилловых переехали на свою старую дачу в Жаворонках. Дача Кирилловых была такая же, как и квартира – большая, бестолковая, захламленная, стены были завешаны старинными фотографиями, картинами, рисунками, мебель рассохлась, побелка потрескалась. Но все равно было уютно, светло и просторно. Участок был тоже довольно заброшен: траву Кирилловы не косили, огорода не держали, но беседка, заросшая плющом и сильный запах одичавших флоксов придавали даче романтизм. Сад напоминал заросшие джунгли, в нем было темно и прохладно, между двумя кривыми старыми яблонями был натянут гамак.

Как-то утром, перед завтраком, Маша покачивалась в гамаке, вокруг вились маленькие фруктовые мушки, Маша курила, дула на них дымом. Наташа косит триммером траву. Появляется Ольга Сергеевна. Она пытается перекричать триммер.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*кричит*). Окрошку я уже порезала...

Наташа косит триммером.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташенька, ну что вы косите, только мошек этих взбаламутили, они жили себе спокойно в траве... А что я приходила? Маша, у нас яйца кончились.

МАША. А может без первого обойдемся, мам?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Лето скоро кончится, а мы без окрошки.

МАША. Может, Андрея послать?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Не надо Андрея трогать, он спит ещё.

НАТАША (*наконец, перестает косить*). Так давайте я схожу.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А ты найдешь куда идти, Наташа?

НАТАША. Разберусь.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Мы яйца не в магазине покупаем, а у Тамары, это соседняя деревня, Лопахино. Маша, объяснишь тогда Наташе? А то мне надо салат нарезать. (*замечает на столе приборы, сервированные неправильно*). Ой, кто же так стол сервирует?

НАТАША. Это я накрывала.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Боже мой, Наташенька, деточка! Это кто ж вас так научил – вилку с ножом вместе, да еще справа?

НАТАША. А что, удобно же. В столовых так раскладывают.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Мы же не в столовой, дорогая моя. Вилку надо класть слева, а нож справа. Запомни. Вот так (*показывает*). И что это за стаканы, все разные? У нас же бокалы есть для вина. Для водки стопки. И тарелки не те. Маша, куда ты смотрела? Сделай все по-человечески.

Уходит.

НАТАША (*неохотно перекладывая вилки и ножи*). Не понимаю! Так же удобней.

МАША. Наташ, я сама сделаю, а ты сходи за яйцами.

НАТАША (*переодеваясь*). Знаете, откуда у вас повсюду мушки эти?

Маша перекладывает приборы.

Потому что сад не убираете, у вас яблоки, сливы, всё гниет.

МАША. Но их так много, все не убережешь. Хочешь вина?

НАТАША. Ольга Сергевна позовет, а мы бухие.

МАША А мы чуть-чуть, беленького, ага? (*наливает*)

НАТАША (*переобувается*). Деревня-то далеко?

МАША. Три километра.

НАТАША. А магаз тут на станции, может я туда метнусь за яичками-то?

МАША. Мне вообще все равно. Давай. Только мама заметит, что они упакованы.

НАТАША. Дык я их из упаковки в пакет переложу, и скажу, что у Тамары взяла.

МАША. А она не догадается?

НАТАША. Куплю белые, самые дорогие, они крупнее. И чтоб без клейма, в сельпо такие яйца привозят. Тогда не догадается.

МАША. Какая ты сообразительная.

Вдруг на дорожке, ведущей от калитки к входу на веранду, показался человек.

МАША. Николай Петрович, здравствуйте! Вы к маме? (кричит) Мам, Николай Петрович пришел.

Ольга Сергеевна выходит из террасы.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Николай Петрович! Какими судьбами? Заходите!

Гость ускоряет шаг к веранде.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Вот видишь, я как чувствовала, не случайно у меня нож упал. Председатель собственной персоной.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. У вас, вижу, праздник намечается?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. У Маши день рождения. Присоединяйтесь. Мы как раз уже садимся, закуски на столе...

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Я, наверно, не вовремя. Я ведь по делу зашел.

Тем не менее садится за стол.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Уф, жарница началась.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Машенька, поухаживай за Николаем Петровичем. Водочки, Николай Петрович?

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Ну давайте, только одну рюмку буквально. В жару жена пить не разрешает.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Молодец у вас жена.

Николай Петрович наливает рюмку водки.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Буквально сорок капель. Ну, Маша, поздравляю с днем рождения, желаю тебе, как говорится, всех благ. (*выпивает*)

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Она еще не родилась. Помню, как у меня начались схватки здесь, на даче. А Николая шофера мы отпустили, и тогда Машин папа угнал машину соседа! (пауза) Так что вы хотели нам сообщить, Николай Петрович?

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Да это такое дело, даже не знаю, не к месту, наверное, сейчас.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Да что случилось-то? Нет уж, раз начали, говорите, а то вы меня пугаете, Николай Петрович.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Нет, нет, волноваться нет причины, это просто какая-то, наверное, ошибка. Тут из налоговой вот пришло уведомление на имя Алексея Владимировича.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Что?! Какое может быть на Алексея Владимировича уведомление, если он три года как ушел от нас? Это чушь какая-то.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ (*достает из кармана бумагу*). Вот и я удивился. Сейчас же новые законы приняли, я подумал, может, вы не зарегистрировали дом.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я без очков. Наташа, я там очки где-то оставила, принеси, пожалуйста.

Наташа уходит за очками. Появляется сонный Андрей.

АНДРЕЙ. Николай Петрович?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Андрюша, почитай, что там? Я не вижу без очков.

АНДРЕЙ (*смотрит бумагу*). Ничего не понимаю, здесь какая-то сумма за пять лет. Мам, а ты разве налоги не платила?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как не платила! Николай Петрович, мы ведь каждое лето вам платим, и сумма эта растет.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Это дачные взносы. Я только за них в ответе.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А за газ и за свет кто в ответе? Мы всегда вам сдавали, Николай Петрович, вы со всех собираете и отправляете, куда следует. Раньше Алексей Владимирович с вами контактировал, а потом Андрюша. Ты ведь платил, Андрюшенька? Где квитанции?

АНДРЕЙ. Платил, я платил, мам. Наверное, какая-то ошибка.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Вы не поняли. Это не взносы, и не за свет и газ. Это налоговая, они сейчас все контролируют. Раньше-то копейки были, а вот за последние три года как раз цены стали рыночные, налоги выросли резко.

Возвращается с очками Наташа, протягивает их Ольге Сергеевне.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*раздраженно*). Это не те очки! (*но все равно надевает*) Я в этом ничего не понимаю. Андрюша, Маша? Может, они что-то там потеряли или своровали, а нам приходят штрафы! Вот видишь, Наташенька, как все запутано в этой стране, все чего-то от нас требуют. Безобразие. Зря ты вернулась. В Германии по крайней мере Ordnung.

НАТАША. Можно? (*берет, читает*) Хм, тут владельцем указан Алексей Владимирович. Значит, дача зарегистрирована на него.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Вот и я про то же. Я думал, вы все оформили.

НАТАША. А вам на ваш городской адрес разве не приходило счетов?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А мы уже давно в ящик не заглядывали, мы же не выписываем ничего, письма и телеграммы сейчас нормальные никто не посылает. Андрюша все находит по компьютеру, а я с компьютером на вы, как говорится.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, я пошел тогда, а то мне надо успеть в кадастровую съездить.

Уходит.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. У нас все дела вел Алексей Владимирович. Я этого всего не касалась никогда. После его смер... ухода, Господи, я до сих пор в это не верю, не могу привыкнуть, я не могла сразу за квартиру даже платить. Я знаю, что завещания он не оставил, а зачем? У него никаких других жен, детей не было, брат есть, но он давно уехал за границу. С кем делить-то?

НАТАША. То есть вы в наследство вообще не вступали? Вы прям динозавры какие-то, я извиняюсь. И квартиру на себя не перевели?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*раздражаясь*). Давайте сейчас не будем впутывать сюда квартиру. Меня волнует вот эта бумажка, кто-нибудь объясните, что это все значит?

НАТАША (*смотрит в уведомление*). Ну у вас тут за семь лет долг набежал и пени за участок и дом.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Почему за семь? Его же три года как нет. Андрей, я ничего не понимаю, откуда такие астрономические суммы, почему мы кому-то должны?

МАША. Папа болел, и никто не платил.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. У меня все жировки остались. Андрюша, принеси там в верхнем ящичке стола, принеси срочно.

Андрей уходит.

НАТАША. Ольга Сергеевна, вы все красные сделали, это вредно.

МАША (*тихо*). Красные раки разбирают бумаги.

Андрей возвращается с кипой квитанций. Ольга Сергеевна хватает их, роется в бумагах.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ну, вот. Все здесь точно, как в аптеке за все годы, я все храню.

НАТАША (*смотрит на квитанции*). Это квитанции за дачные взносы, тут видите, так и написано, дачный взнос. Они идут на содержание вашего бухгалтера и председателя, и сторожа и вывоз мусора. А это налоги, понимаете?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты так быстро говоришь, слова слова слова... У меня от них голова кружится. Андрюша, я не понимаю ни одного слова. Что-то мне стало неважно, мне надо прилечь. Маша...

Маша провожает Ольгу Сергеевну.

НАТАША. Можно не напрягать маму, а сходить для начала в ваше районное МФЦ.

АНДРЕЙ. Я там никогда не был. Давай вместе сходим?

Пауза.

АНДРЕЙ (*наливает себе и ей вина*). А давай выпьем, а?

НАТАША. За что?

АНДРЕЙ. А надо обязательно за что-то?

НАТАША. Ну вроде как, что мы, алкаши.

АНДРЕЙ. Ну тогда за тебя! Ты такая... добрая, такая... (*чокаются, он пьет, она делает глоток*). Я не знаю... в тебе есть стержень (*он пытается ее поцеловать, она отстраняется*). Сходим только осенью в этот твой эмфэцэ, а то неохота щас в Москву переться в такую жару.

СЦЕНА 7

Квартира Кирилловых. Фоном работает радио.

Ольга Сергеевна веселая на кухне, занимается хозяйственными делами, допустим готовит. Маша ей помогает. Марк сидит в гостиной, смотрит в телефон.

Входят Наташа и Андрей, после дождя, мокрые и веселые.

АНДРЕЙ (*кричит на кухню*). Мам, есть чего пожрать?

НАТАША. Фу, как грубо.

МАРК. А как не грубо, Наташа?

НАТАША. Ну, я не знаю, кушать не грубо.

МАРК. Кушать это лакейская лексика. Если хотите стать своей в приличном кругу, забудьте это слово.

НАТАША. И ничего не лакейское, нормальное слово. Мы всегда так говорили.

МАША. Марк, прекрати. Марина Цветаева говорила: воспитанный человек – это не тот, кто тарелку наклоняет на себя, то есть что-то про соус, там... (*вспоминает*) не прольет соус, а кто не заметит этого.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*входит с супницей*). Это не Цветаева сказала, а Антон Палыч. Знатоки! Маш, подставку скорей.

МАША (*ищет, не находит*). Где она?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Быстрей давай. Мне тяжело держать.

Наташа достаёт подставку из комода. Ольга Сергеевна ставит супницу.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Спасибо, Наташенька. Теперь у нас порядок, вещи на своих местах.

Все рассаживаются.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Это всё Наташа! Но, дорогая, читай побольше. И быстро их догонишь-перегонишь. Я верю в силу слова.

МАРК. Главное не в клозете.

НАТАША. Где?

АНДРЕЙ. Всё! Прекрати! Давайте выпьем за Наташу! Наташа нас спасла. Как там это называется?

НАТАША. Выморочное имущество.

МАРК. Выморочное - какое страшное слово.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Волшебно! Она всё знает.

НАТАША. Я одно время подрабатывала продажей недвижимости.

МАРК. Риелтором?

НАТАША. Просто помогала, я ж не могла работать официально, ну вот бегала, оформляла все эти дела.

МАРК. А сейчас не работаете?

НАТАША. Ищу, но трудно найти без регистрации.

МАРК. Наташа, не хотите натурщицей подработать? Я серьезно.

АНДРЕЙ. Мам, а давай зарегистрируем Наташу?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как это - прописать? Андрюшенька, это сложно. Давай не сейчас.

МАРК. Опять смутилась. Как тогда с книгами.

МАША. Марк, ты чего там к Наташе пристаешь?

АНДРЕЙ. Мам, это сейчас ничего не значит. Это временная регистрация. Мы в МФЦ спросили. Пишешь заявление и всё.

МАРК. Я? Пристаю? Да ты что! Я только предложил ее написать.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Давай в другой раз поговорим, Андрюш, не время сейчас. Такие вещи вот так с кондачка не решаются.

Звонит сотовый Андрея.

АНДРЕЙ (*берет телефон, сразу выходит из-за стола*). Да, Ань...

Уходит в свою комнату.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*вздыхая*). Опять эта Аня.

Пауза.

НАТАША (*тихо Марку*). Вы это правда?

МАРК. Что?

НАТАША. Ну, нарисовать меня хотите?

МАРК. Ах, нарисовать. Видите ли, Наташа. Рисуют графики, а живописцы пишут. Ну как пишут писатели тексты буквами, а мы свои тексты пишем красками. А рисуют - дети в детском саду.

Андрей возвращается.

АНДРЕЙ. Там у Ани с роутером что-то, просит помочь.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А муж у нее не разбирается в компьютерах?

АНДРЕЙ. Мам, он в командировке.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Какое совпадение. Муж в дверь, жена в Тверь.

АНДРЕЙ. Мам. Всё.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ладно, делайте, что хотите.

Андрей уходит.

МАРК. Юрдэн добрый.

НАТАША. Юрдэн?

МАРК. Да. Это детское прозвище.

НАТАША. Чудно. У нас Дрюни, Дрюши.

МАША. Это анаграмма от английского Эндрю. Андрей – Юрдэн, а Марк угадай, как?

НАТАША. А что такое анаграмма?

МАРК. ДОРОГА – ГОРОДА.

НАТАША. Игра такая?

МАРК. Проехали. Марунь, я, пожалуй, пойду. Мне надо еще к Дим Димычу заскочить. Можем вместе.

МАША. Нет, Марик, поезжай без меня.

МАРИК. Ты уверена?

МАША. У меня вебинар вечером.

МАРК. До свидания, Ольга Сергеевна. А вы, Наташ, подумайте насчет натурщицы.

НАТАША. Типа голой?

МАРК. Ну это только по желаниюю.

Марк уходит.

НАТАША. Что-то все разбежались.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Надо бы посуду собрать, девочки. Помоете? А то у меня в голове шумит сегодня, переволновалась. Тинитус ля комедия!

МАША. Конечно, мам, отдохни.

Ольга Сергеевна уходит. Наташа начинает убирать посуду. Маша наливает себе вина.

МАША. Наташ, да не суетись. Все машина помоеет.

НАТАША. А я люблю посуду мыть руками. Не знаю почему. Как-то успокаивает.

МАША. Наташ, ты не обижайся на маму. Она у нас советской формации. Я уже ей сто раз говорила, что регистрация, тем более временная, ни на что не влияет, но это бесполезно.

НАТАША. Мне бы только на первое время. Я бы нашла сразу работу: я и в детсад могу, и санитаркой, и официанткой, и риелтором.

МАША. А образование у тебя есть какое-нибудь?

НАТАША. А как же, что ж я, по-вашему, совсем. У меня неоконченное: наш областной институт, пед. Но я как на ноги встану, закончу его.

МАША. У тебя неоконченное высшее? Надо же, у Андрея тоже. Он так и не окончил, балбес, свой ВГИК. То от армии прятался, то в академку уходил.

НАТАША. В академку, это по болезни?

МАША. Ну... у него там были проблемы, а в армию никто не хочет. Но ему учиться тяжело, хотя он много читает, всё вроде знает, а вот не может ничего закончить.

Входит Миша.

МИША. У вас не закрыто было. Привет, Маша. Наташа, здрассте.

Маша и Наташа здороваются по-разному.

МИША. А Анька моя к вам не заходила? Приехал сейчас, дома никого, бардак.

МАША. Нет, не заходила.

НАТАША. А разве...

МИША. Что?

НАТАША. Да не, ничего. Это я просто подумала.

Миша видит накрытый стол.

МИША. А что у вас, праздник какой?

МАША. Обмываем спасение нашей недвижимости! И спасла недвижимость Наташа! Присоединяйся. Есть хочешь, у нас рассольник мама сварила.

МИША. Не откажусь.

Маша наливает суп. Миша сам себе наливает водки, потом, спохватившись, дамам.

МИША. Все разбежались, значит? Я извиняюсь, что так вот по-хозяйски налил, ничего?

МАША. Нормально все.

МИША. За что выпьем?

НАТАША (*неожиданно*). А давайте выпьем за дом, за семью.

Выпивают.

НАТАША. Спасибо, Маша, что столько времени меня терпите.

МАША. Слушай, Миш, может, у тебя есть какие-то там входы-выходы, Наташу куда-нибудь зарегистрировать?

МИША. Ну я же в жэке не работаю, Маш. И сейчас это непросто, практически невозможно.

МАША. Может, ты поговоришь с мамой, объяснишь ей?

МИША. Это можно.

МАША. Она тебя послушает как человека из органов.

НАТАША. Не желаете второго?

МИША. Спасибо. Мне в контору пора, в столовке там покушаю.

Встает, уходит. Маша хватается телефон, звонит.

МАША. Ты где сейчас? (пауза) Аня с тобой? (пауза) Миша вернулся, Марк уехал (разговор обрывается.) Как мне все это обрыдло. Идиот.

НАТАША. Он с его женой спит?

МАША. Да. Эта Аня такая дура. Сколько я ему говорила, бесполезно. Она с жиру бесится, от скуки. У нее дед здесь жил, старый энкавэдэшник, долго жил, в 98 лет умер, и то, упал и сломал шейку бедра, а так бодрый был старик. Она его внучка, другой внук Артем давно в Америке живет, дочь уехала, сын умер, вот Аня этого сына дочь, Ивана Валентиновича. И Миша этот нарисовался, с очередным обходом. Мутный какой-то. Стал ходить, потом поженились. А потом поссорились, вроде он ее ударил, и она к нам пришла ночевать. А потом утром он уехал в командировку, Андрей к ней зашел, ну и началась эта Санта-Барбара.

НАТАША. В смысле?

МАША. Санта-Барбара это сериал такой был, неужели не смотрела в 90-е?

НАТАША. Неа, у нас в интернате телик один на весь дом, в коридоре, так нам воспиталки не разрешали смотреть. Сами зырили, а потом его кто-то стырил.

МАША. А может, и к лучшему, всякую ерунду не смотрела.

НАТАША. А мне хотелось ерунду смотреть, как все. Сидеть у отца на коленке и смотреть телевизор, помню, мне три года, я у него на коленке сижу, он меня подбрасывает, вот запомнила только это, и запах его: перегар, соляра и прима, дешманские сиги, вонючие – жуть! А потом все пошло кувырком после пожара. (пауза) Ненавижу окурки эти. (хватает пепельницу, полную окурков, выбрасывает окурки)

СЦЕНА 8

Ночь. Квартира Кирилловых. Все спят. Дверь открывается, входят Андрей и Марк, оба пьяные. Их не видно, но слышно. О чем они говорят, совершенно непонятно, пьяный бред.

АНДРЕЙ. Нет, Мар, я очень плохо поступил.

МАРК. Нет, Юрдэн, ты поступил так, как ты поступил.

АНДРЕЙ. Я очень плохо поступил.

МАРК. Но ты же ее любишь.

АНДРЕЙ. Не знаю.

МАРК. А я знаю.

АНДРЕЙ. А ты Машу любишь?

МАРК. Не знаю.

АНДРЕЙ. Она все время меня спрашивает: ты меня любишь?

МАРК. Не отвечай. Им нельзя отвечать.

АНДРЕЙ. А я и не отвечаю. Я не хочу разрушать семью.

МАРК. Тогда чего ты хочешь?

АНДРЕЙ. Я просто хочу трахаться. Вернее, я и этого уже не очень хочу.

МАРК. У тебя что-нибудь осталось?

АНДРЕЙ. Коньяк должен быть.

МАРК. Давай выпьем.

Выходит Ольга Сергеевна.

МАРК. Ольга Сергеевна, добрый день!

АНДРЕЙ. Мам, где был коньяк у нас?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Андрюша, какой коньяк! Вы на бровях уже. Марик!

МАРК. Ольга Сергеевна, мы с Андреем друзья, для меня Андрей как брат.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Тем более. Нехорошо брата спаивать.

АНДРЕЙ. Мама!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Тихо, Наташу разбудите. Она же тут в Клавиной, то есть в бельевой.

АНДРЕЙ. Мам, не называй ты ее комнату бельевой и Клавиной тем более.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А можно меня в своем доме не будут поправлять?

АНДРЕЙ. Мам, тссс. Услышит.

МАРК. А что она у вас делает, кто она вообще такая, эта Наташа?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Марик, тише я прошу тебя.

Выходит Наташа.

НАТАША. А я слышу голоса. Здассте.

МАРК. Хэлло, Долли! Юрдэн, дай мне бумагу, карандаш, я ее быстренько щас набросаю.

НАТАША. В смысле? А кто вам разрешил?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташенька, Марк очень хороший художник. Только, Марик, как-то ты не вовремя.

МАРК. Наташа, не стесняйся, потом, в своем Ростове-Тамбове будешь хвататься. А когда я умру продашь на аукционе за большие деньги.

Пауза. Наташа явно смущена в своей ночной рубашке, помятом виде.

МАРК (*вдруг грубо*). Тогда иди к себе в людскую и сиди там молча, поняла?

Тишина.

АНДРЕЙ. Мар, ты охуел?

МАРК. Я охуел? Просто у меня теперь нет ощущения гармонии, а раньше было, в вашем доме была гармония, а теперь ее нет. Лишняя деталь появилась, как у этого, помните там про музыкальную шкатулку. А если она, эта деталь лишняя появилась, то гармония, композиция, все летит к чертям.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Марик, ты меня огорчаешь.

НАТАША. А чего вы мне хамите-то? Что я вам сделала? (*начинает плакать*) За что? Я скоро съеду отсюда.

Уходит, рыдая.

АНДРЕЙ. Мар ты не прав сейчас.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташа нам помогает, она наш ангел хранитель.

Вдруг Андрей меняется, он чувствует начало приступа эпилепсии.

МАРК. Что с тобой, Юрдэн, прости... Черт!

АНДРЕЙ. Мам...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Тебя ведет, Андрей... (с ужасом) Началось!

АНДРЕЙ. Мааам... (*бормочет что-то*)

Андрей падает в приступе эпилепсии...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Андрей! Марик, помоги...

МАРК (*растерянно*). Что с ним? Я слышал, ложку надо.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Господи! Ты же никогда не видел. Я не могу его удержать.

НАТАША (*Наташа выскакивает из своей комнаты, куда она только что ушла, и бросается к Андрею с полотенцем,*). Ложку нельзя, надо мягкое.

Марк стоит столбом, он в шоке.

Наташа держит голову Андрея, засовывает ему полотенце в рот. Когда приступ проходит, он успокаивается.

МАРК. Что-то мне плохо, Ольга Сергеевна, мне надо в туалет.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташа, Наташа...

На фоне их разговора слышны звуки блюющего Марка.

Андрей начинает приходить в себя.

НАТАША (*сажая приходящего в себя Андрея*). Ну что, оклемался?

АНДРЕЙ. Мама, я так устал.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Давай, Андрюшенька, ложись. Наташ, отведешь его?

НАТАША. Конечно, Ольга Сергеевна.

Уводит Андрея в комнату.

Из туалета выходит Марк, протрезвевший и смущенный.

МАРК. Ольга Сергеевна... вы извините меня, я никогда не видел, я не думал, что это так...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Марик, давай потом поговорим. Я сейчас с ног валюсь, если хочешь, ложись здесь на диване, укройся пледом, я не в состоянии тебе постелить...

МАРК. Ольга Сергеевна, я такси уже вызвал, я поеду. Мне очень жаль.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ему нельзя пить, совсем.

МАРК. Я понял...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А вы вместе всегда...

Звонит сотовый Марка.

МАРК. Да, выхожу (пауза). Нет, со двора, у шлагбаума, я сказал, а не с улицы. (*отбой*)
Машина приехала.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты тоже береги себя. Хотя бы ради Маши.

МАРК. До свидания, Ольга Сергеевна.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Прощай, Марик.

Марк уходит.

СЦЕНА 9

На кухне сидят Ольга Сергеевна и Наташа.

НАТАША. У моего дядьки была эпилепсия. Гуси в детстве напугали. Он в сорок три помер: упал, и о косяк виском ударился.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Типун тебе на язык. А у Андрея в 98-м случилось. После дефолта, у него долги были в долларах, его избили. Ужасное время. Алексей Владимирович тогда деньги в акции вложил этого, «Хопер-инвест, отличная компания». Все пропало. Андрей институт бросил, тянули мы его тянули, все равно бросил, потом вот это началось. Потом девушка его бросила, все одно к одному.

НАТАША. Да вы не волнуйтесь так, могло быть и хуже. Вон у нас, тоже пацана избили, по голове, он потом слабоумным стал, слюни пускал, в ПНД сдали. А еще случай был, у нас в интернате: из окна выкинули парня, в карты проиграл, так он ходить потом не мог, тоже в ПНД. Зато выжил.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Умеешь ты утешить. (Пауза.) Я тут думала, думала и решила, надо тебе эту регистрацию сделать.

НАТАША. Здесь, что ли?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*вяло острит*). Нет, у соседей.

НАТАША. Ой, вы шутите?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Мне не до шуток, милая. Но деваться некуда. Только ты не обижайся, но я уже не могу терпеть. Давно хотела тебе сказать... Две вещи, которые у нас в семье не приемлемы. Надо ванну после себя помыть, это две секунды. Волосы остаются. И в туалете опять не смыла. Я понимаю, после детдома трудно привыкнуть, но привыкать придется. Ладно, давай спать.

Встает, тяжело опираясь о стол. Наташа ей помогает, Ольга Сергеевна жестом отклоняет помощь.

СЦЕНА 10

Август. Наташа одна в квартире, смотрит телевизор. Входит Андрей, он сумрачный. Наташа поспешно выключает телевизор.

АНДРЕЙ. Да ничего, смотри, смотри. Что смотришь?

НАТАША. Да так, просто смотрю, чтоб не думать. А чего с дачи вернулся?

АНДРЕЙ. Пришлось (*достаёт из холодильника виски, наливает, шарит в морозилке*)
Льда нет.

НАТАША. Так я не знала, что ты приедешь.

АНДРЕЙ. Ничего, я и так выпью.

НАТАША. Случилось что? Какой-то ты убитый прям.

АНДРЕЙ (*улыбается*). Да, это ты точно сформулировала. Тяжело мне, Наташа. Тяжело жить. И вообще.

НАТАША. А кому легко?

АНДРЕЙ. Не знаю. Есть такие, кому легко. Это, наверное, странно слышать тебе, но я совершенно не могу, мне плохо от всех этих деловых отношений, с какими-то людьми вести дела. Я ничего не могу довести до конца. Машка говорит, у меня абулия.

НАТАША (*смотрит на него с сомнением*). Не похож вроде.

АНДРЕЙ. А кто похож?

НАТАША. Был бы ты толстый или бегал бы блевать после каждого обеда, извиняюсь, я бы заметила.

Андрей непонимающе смотрит на Наташу, потом начинает смеяться.

АНДРЕЙ. Ахаха... Ты про булимию.

НАТАША. Точно! А ты чего сказал?

АНДРЕЙ. А-бу-ли-я! Это атрофия воли. Я поэтому не смог закончить ВГИК (*пьёт виски*).

Наташа вдруг снимает фартук, берет стакан, садится напротив.

НАТАША. Ладно, плесни мне чутка.

Андрей наливает ей с удивлением. Она спокойно пьёт.

НАТАША. Жилец достал? Рассказывай.

АНДРЕЙ. Удивительно (*смотрит на нее другими глазами*).

НАТАША. Рассказывай давай. Чего на меня смотреть?

АНДРЕЙ. Мне вдруг легко стало, хотя я еще ничего не рассказал.

НАТАША. А расскажешь, еще легче станет.

АНДРЕЙ. В общем, он хочет квартиру выкупить за меньшие деньги: ремонт-хремонт. Он так убедителен. Говорит, зачем тебе недвижимость, положи деньги в банк и живи на проценты.

НАТАША. Без налогов сдаешь?

Андрей вздыхает, разводит руками.

НАТАША. Ясно. (пауза) Я с ним поговорю. Хочешь?

АНДРЕЙ. А ты не боишься? Понимаешь, он мафиози какой-то строительный, и он знает законы. Я уже его боюсь.

НАТАША. Я с ним так поговорю, что он через три дня съедет. Хочешь?

АНДРЕЙ. И опять придется искать жильцов. Ужас.

НАТАША. Да найду я тебе жильцов. Только надо договорчик заключать на 11 месяцев, чтобы себя обезопасить и от налоговой и от таких типков.

АНДРЕЙ. Наташа, Наташа... Ты меня спасла. Просто спасла (*хочет ее приобнять*). Можно?

НАТАША (отстраняется). А как же Аня?

АНДРЕЙ. Аня это совсем другое, это от скуки.

НАТАША. А со мной не скучно?

АНДРЕЙ. С тобой не соскучишься. (пауза) Ты мне нравишься. Очень. Очень-очень.

НАТАША. Запасной аэродром?

АНДРЕЙ. Ну что ты. Мне хорошо с тобой, легко, спокойно. Я бы хотел, чтобы ты все время здесь жила. Давай завтра пойдем в ЗАГС? (*целует Наташу, начинает ее поглаживать, она уже не отстраняется*).

НАТАША. Ты уже мне делал предложение.

АНДРЕЙ. Когда?

НАТАША. Когда мы дачу регистрировали. А потом забыл. Щас так же?

АНДРЕЙ. Нет, нет, Наташа, сейчас не забуду. Завтра же пойдем.

СЦЕНА 11

Квартира Кирилловых.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Пока Аня с Мишей в отпуске, она его, по-моему, в оборот взяла.

МАША. Кто?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Кто, кто, Наташа твоя.

МАША. Она не моя, мам. Ну а что тебя беспокоит? Может, это к лучшему.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Не понимаю, почему у него такой ужасный вкус. Помнишь, на даче, ему тогда 16 было, влюбился в эту то ли Зину, то ли Люду.

МАША. Лену Манагарову.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Лену, да.

МАША. Она красивая была. Натуральная блондинка.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. И эта деревня разбила ему сердце.

МАША. Мам, в таком возрасте все сердца разбиваются.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Нет, не все. Всегда есть тот, кто разбивает и кому разбивают. И Андрюша, к сожалению, из второй категории.

МАША. Ну почему из второй, может быть, из первой.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я же сказала он из тех, кому разбивают.

МАША. Я имела в виду, что ты о нем говоришь, как о яйцах – первая категория, вторая категория. Может, те, кто страдает, они высшей категории.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты себя слушала когда-нибудь, психолог?

МАША. Я именно как психолог это и говорю.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я уже жалею, что дала тогда слабинку и прописала ее.

МАША. Регистрация ни на что не влияет. Зато она нашла работу. И ты сама говорила, что рада, что она присматривает за Андреем.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А ты так рассуждаешь, баба с возу кобыле легче. Он тебе брат все-таки!

МАША. Мама, он вполне может позаботиться о себе сам, он взрослый мужчина и не инвалид.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как раз инвалид.

МАША. Ну я имела в виду... в переносном смысле. Даже Достоевский был эпилептик и это не мешало ему...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Андрюшенька, к сожалению, далеко не Достоевский. Вот зачем он учился на сценариста? Ни одного сценария не закончил ведь. А ты ему помочь не хочешь.

МАША. Дурацкий разговор. Я помогаю чем могу, но контролировать его я не хочу и тебе не советую. То отец всех контролировал, теперь ты хочешь, чтобы я взяла на себя роль диктатора. Но я не хочу, это совершенно не моя роль.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как ты говоришь об отце.

МАША. А что, это не так? Он же диктатор был. Все по половицам ходили. Я боялась подруг позвать на день рождения, Андрей стал пропадать и вот итог.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты не права, Маша (*начинает плакать*). Отец всех любил, обо всех заботился, мы были за ним как за каменной стеной. Мы с ним сорок три года, душа в душу.

МАША. Mam, a как же Лида аспирантка?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Это была моя ошибка. Он мне говорил, что я пожалею, но я тогда гордая была. Я его отпустила и поэтому он не ушел.

МАША. Нет, мам, так не отпускают.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты вот что, ты копайся там в своих психах, а меня анализировать не надо. Разберись в своей жизни.

МАША. С тобой невозможно разговаривать, ты в броне.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Какая есть.

Пауза.

МАША. Мама.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Что?

Пауза.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ну что?

МАША. Так. Ничего.

СЦЕНА 12

Наташа в магазине «Азбука вкуса» выбирает продукты. Встречает Мишу.

МИША. Привет, соседка!

НАТАША. Привет, привет! Какая я соседка, так, на птичьих правах у ваших соседей. Домработницу нашли бесплатную.

МИША. Но дело движется?

НАТАША. В смысле??

МИША. Ольга Сергеевна у меня спрашивала совета насчет вашей регистрации. Я ее успокоил.

НАТАША. Спасибо. Зарегила.

МИША. Да не за что. (пауза) Что-то вы не весело это сообщаете.

НАТАША. А чё веселиться? Одни замечания: сама спускать забывает, а на меня сваливает.

МИША. Пожилые люди... Продукты покупаете?

НАТАША. Да борщ хотела им сварить, а то едят всухомятку. Я так не могу.

МИША. А я тоже всухомятку.

НАТАША. А что же, Аня ваша не варит вам суп?

МИША. Да вот не варит. Раньше варила. А сейчас не варит.

НАТАША. А вы к нам заходите, когда я борщ сварю.

МИША. Вы меня приглашаете?

НАТАША. А что тут такого. Андрей к вам заходит, и вы заходите.

МИША. Андрей заходит?

НАТАША. Ой, вечно я не то ляпну. Он заходил с компьютером там что-то.

МИША. А, ну да, с компьютером.

НАТАША. Было-то пару раз.

МИША. Пару раз, значит. Да, да, я его сам просил. Он головастый.

НАТАША. Ой, а я уж испугалась, что влезла не в свои дела.

МИША. Да, что вы, Наташа, вы симпатичный человек. Повезло Андрею. Вы его берегите.

НАТАША. Да что вы. Я съеду от них. Мне оно надо? Я им не кухарка.

МИША. Понимаю. Сам не москвич. Но знаете, они ведь тоже не графья. Дедушка Андрея был в одной системе с дедом Ани.

НАТАША. Он же вроде этот был, из военных, преподаватель в академии.

МИША. Это отец его преподавал. А дед его в 37-м входил в состав тройки НКВД в Ростовской области.

НАТАША. В Ростовской? У меня бабушка оттуда, ее отца как раз в 37-м расстреляли, он был казаком.

МИША. Так что вы поуверенней там с ними.

НАТАША. Так ведь сын за отца не в ответе. А мне их даже жалко. Они как дети, ничего не понимают в жизни, вожусь с ними.

МИША. Добрая вы душа. Я даже завидую Андрею.

Наташа молчит и улыбается.

НАТАША. Приходите на борщ. С Аней приходите. Она какая-то грустная. Хорошо отдохнули?

МИША. Да, хорошо.

СЦЕНА 13

Андрей, Марк и Ольга Сергеевна играют в преферанс. Здесь неважно, кому принадлежит большая часть реплик.

- Или ты купил короля?

- Купил короля и туза. К четырем вошам...

- Ну я объявляю мизер.

- Пора выдавать прикуп? Вы можете перебить мизер?

- Я пас.

- Пас.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Великолепно!

Входит Наташа с чайным подносом.

АНДРЕЙ. Наташа, не хочешь четвертой?

НАТАША. Ой, да я не умею.

МАРК (*берет альбом и набрасывает*). Наташа, стойте так с чайником, постойте еще. Какое освещение, а? «И луна сделалась как кровь».

НАТАША. Не буду я вам позировать, вы злой (*разливает чай*).

АНДРЕЙ. Молодец, Наташа.

МАРК. Я, Наташенька, не злой, я точный.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Мы тебя научим играть.

НАТАША. Я в карты только в интернате играла.

МАРК. И во что вы там играли, в очко?

НАТАША. Почему в очко. В три листика.

МАРК. Три что?

АНДРЕЙ (*оживленно*). Это же сикка, помнишь, Марик, мы как-то с местными на даче в сикку играли? Кончилось все дракой. Страшная игра. На деньги.

МАРК. Хочешь играть в сикку, иди посикай.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как же любил наш папа играть в преферанс. Он говорил: преферанс приравнивается к шахматам. А бридж! Помнишь, Андрюш, как у Елизаветы Львовны мы играли в бридж. Волшебно!

АНДРЕЙ. А давайте в девятку? Помнишь, Марик, как мы в Вороново играли, в лагере?

МАРК. Ну, это совсем для дебилов, карточное домино.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А вот мой батюшка, Сергей Константинович, обожал девятку. Он называл ее коллективным пасьянсом. Сядем, бывало, все за круглым столом, из буфета достанем наливок разных, моя няня, Тоня, мастерица была их делать.

МАРК. А кстати, хорошая идея, Ольга Сергеевна. Может, вина?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Хересу! Наташенька, принеси-ка из моих запасов хересу, в нижнем ящике комода.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ключ возьми!

Наташа берет ключ и уходит.

АНДРЕЙ. Мам, я мог бы принести.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я тебе не доверяю.

МАРК. А ей вы доверяете?

АНДРЕЙ. Прекрати.

Наташа возвращается с хересом и легкой закуской (сыр, фрукты).

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташенька, достань там из горки бокалы. (*Наташа берет первые попавшиеся бокалы.*) Нет, нет, не эти, там сзади, специальные для хереса. Продолговатые такие. Нет, эти для шампанского (*чуть раздраженно*). Андрей, помоги.

Андрей отходит к горке, помогает Наташе.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Марик, по-моему, ты смущаешь Наташу.

МАРК. То есть вы хотите сказать, что она способна смущаться?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. И за что ты так ее невзлюбил?

МАРК. Ольга Сергеевна, если уж вы меня спрашиваете, то как бы вам сказать, вот я как художник-анималист вам скажу, я обычно людей не пишу, вы знаете. Это мой принцип, только животных, не потому что не умею, а не хочу. А вот ее написал бы. Есть в ней что-то...

Слышится звон посуды и звук разбитого стекла, но кто разбил, не видно. Андрей и Наташа возвращаются.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ну вот, хочешь сделать все правильно, делай сама. Что вы там разбили?

АНДРЕЙ. Это я разбил, мам.

НАТАША. Не надо меня выгораживать. Ольга Сергеевна, это я разбила. Зеленый такой на толстой ножке.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Это же ремень, мне тетя Лика подарила, из Германии, когда они в 54-м вернулись. Ой, как жалко, я его обожала.

НАТАША (*убирает осколки*). Ой, да я такие на блошиных рынках видела, они копейки стоят, я вам возьму.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты еще с помойки мне принеси бокалы. Андрей там пылесос из кладовки, то есть из Клавиной комнаты, тьфу, то есть из Наташиной комнаты принеси, надо осколки пылесосом...

Раздается длинный пронзительный звонок в дверь.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Господи, кто это? Наташа...

АНДРЕЙ (*укоризненно*). Мам! Я сам открою.

Андрей выходит. Заходит Миша с собакой.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Миша? что с тобой? На тебе лица нет.

МИША. Аня умерла.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как умерла? Когда? Миша, да что случилось?

МИША. Сказали, сердечная недостаточность. Ничто не предвещало. Мы с ней сидели сериал смотрели и вдруг она закашлялась, потом говорит «жжет», я думал, желудок, а потом слышу она хрипит, я скорую вызвал. Они ее тут же в больницу. Там кардиостимулятор поставили. Но все равно отек легких. Я просто в шоке, Ольга Сергеевна.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Она же молодая совсем. Я ее помню еще маленькой, когда они к дедушке приезжали, к Валентину Петровичу. Ой, горе-то какое!

МИША. Можно я у вас посижу, не могу в квартире находиться.

Пока он говорит, Андрей наливает себе что-то крепкое, выпивает залпом, выходит из комнаты. Ольга Сергеевна замечает это и, говоря с Мишей, в тревоге провожает сына взглядом.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Конечно, Мишенька. Можешь даже переночевать. Садись, выпей, поешь. Марк, налей ему.

Марк молча наливает в стакан виски, подает Мише.

МИША. Нет, нет. Это она виски пила, я водки (*наливает водки в рюмку, выпивает*). Спасибо. Я немного посижу и поеду. На три дня отпуск взял, к матери поеду в Волгодонск. Я чего пришел-то, мне Клуни не с кем оставить.

Клуни подбегает к Наташе, ластится к ней. Она его гладит.

МИША. Признал вас.

Пауза.

МИША. Просто я не могу иметь собаку, это Анькина была прихоть. А меня дома нет неделями. Она же вас замучает воем своим. (*пауза*) Хотя бы на пару дней. А я вернусь и в приют ее отдам или усыплю.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Уж лучше усыпить, чем в приют. Правда, Наташа? Оставляй Клуни. Смотри, как он ее полюбил.

МИША. Значит, Наташа – хороший человек.

НАТАША. Когда похороны?

МИША. Послезавтра. Вы уж все приходите. (*оглядывается*) Андрей, я тебя жду... А где же он? Аня к нему хорошо относилась.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Андрюше нездоровится, он чувствительный мальчик. Наташенька, посмотри там... (*Наташа выходит, собака бежит за ней.*)

МИША. Надо же как признал. Он Аньку... (*начинает плакать*). Я ее любил очень. Она меня нет, а я любил.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я знаю, Миша, знаю. Я до сих пор (прикладывает платок к глазам) скучаю по Алексею Владимировичу. Держись, Мишенька. Год какой тяжелый.

МИША. Это точно. Спасибо, Ольга Сергеевна. Ну я пошел, вещи еще надо собрать.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*вслед*). Ты заходи почаще.

Уходит.

СЦЕНА 14

Прошло две недели. Дача Кирилловых. В саду. Маша и Марк сидят в беседке.

МАША. Ты его так и не поздравил.

МАРК. Ты знаешь, я не люблю ритуалы, особенно свадьбу. Ее ведь нет сейчас?

МАША. Она, кстати, не обижается давно. Спрашивала, а чего Марк не заходит.

МАРК. Я уверен, она что-то с его телефоном нахимичила. Я не могу ему дозвониться. (пауза) Она меня забанила, точно!

МАША. Это паранойя, Мар.

МАРК. А фейсбуком он не пользуется. Завел аккаунт и не заходит туда. Скажи ты ему, чтобы он его открывал. Вотсап еще есть.

МАША. Да не пользуется он соцсетями. (пауза) Давно бы извинился. Это глупо в конце концов.

МАРК. Глупо было жениться на ней.

К беседке подходит Наташа. Прислушивается.

МАША. Это социальный расизм, Мар. Нельзя ненавидеть людей, если они по-другому говорят и из другого социального круга.

МАРК. Да при чем здесь говор. Говорить и ворону можно научить. Провинциальность понятие не географическое, а моральное, что ли, это состояние души. У меня среди клиентов москвичей коренных практически нет. Но провинциалы из них не все. И среди москвичей есть чудовищные провинциалы. Она, кстати, лучше стала говорить. (пауза) Она же паразитирует на вас, разве вы не видите?

МАША. Почему паразитирует? Она на работу устроилась. И дома никогда не сидит без дела, мама довольна.

МАРК. Домработница вышла бы дешевле.

Пауза.

МАША. Как ты думаешь, Марик, что такое любовь?

МАРК. Опять это слово. Как вы, бабы, его любите. Так называемая любовь это просто инстинкт размножения.

МАША. Я много думала: вот что такое любовь, как ее определить. То мы зависимость принимаем за любовь, или просто сексуальное влечение. А любовь - это совсем другое, я поняла. Любовь - это спасение. Два человека могут быть из разных миров, но они встретились, чтобы спасти друг друга. На этом стоит мир.

МАРК. Не могу слушать эту твою романтическую чушь. Во время пожара крестьяне тоже дойную корову спасают и всяких там свиней, кур.

МАША. Я вижу, как он после женитьбы изменился. У него появился интерес к жизни, он опять стал писать, я видела. Они все время куда-то ходят вместе.

МАРК. Куда они ходят-то, Господи! На день города, на Стаса Михайлова?

МАША. Ну какие ей билеты в ее детском саду дают, туда они и ходят. А недавно на Саврасова сходили в Третьяковку.

МАРК. Молодцы какие. Как она его развивает.

МАША. Он в Третьяковке после школы не был. В отличие от тебя.

МАРК. Я с мольбертом туда ходил и возненавидел портреты. (пауза) Туда только дети ходят и студенты. Она ведь в детсаде теперь работает?

МАША. Да, сразу устроилась, кстати, после регистрации. И видно, как она любит детей. Она только о них и говорит, в телефоне нам их показывает, они такие забавные...

МАРК. Ужас. Ненавижу детей. Они такие... физиологичные. Где дети, там грязь.

Пауза.

МАША. Марк.

МАРК. Что?

МАША. Я как раз хотела поговорить насчет детей.

МАРК. Опять? Ты же знаешь мою позицию.

МАША. У меня была в прошлом месяце задержка.

МАРК. Ты же говорила, так бывает, гормональный сбой из-за таблеток.

МАША. Это не гормональный сбой. Тест положительный.

МАРК. Нет, нет, нет! Мы же договорились.

МАША. Да, Марк, да. Я хочу на этот раз оставить.

МАРК. Ты не имеешь права так делать. Это эгоизм. Ты не понимаешь, что такое ребенок. Ты знаешь, у меня и так алименты.

МАША. Я тебя не буду ни о чем просить.

МАРК. Вы все так говорите: «мне ничего от тебя не надо, не буду просить». А потом жените, как эта ваша Наташа, и продыху не даете.

МАША. Ты гнусности сейчас говоришь.

МАРК. А ты делаешь гнусности.

МАША. Ладно, считай, что этого разговора не было.

МАРК. Нет, голубушка. Этот разговор случился, и я настаиваю, чтобы ты сделала то, что должна сделать.

МАША. А что я должна сделать?

МАРК. Ты знаешь, как это называется. Прошло еще мало времени. (Маша сидит опустошенная.) Мало времени ведь прошло? (Марк меняет тактику.) Ну, Маша, ты же сама понимаешь, что нам не нужен сейчас этот ребенок.

МАША. Мне нужен.

МАРК. Я уже прошел через это. У нас, можно сказать, из-за этого развалился брак.

МАША. Значит, брак был говно.

МАРК. А вот это ты зря сейчас сказала. (пауза)

МАША. Извини.

МАРК. Нежеланный ребенок несет все грехи семьи. Как мой дядя. Он был нежеланный, родился в 39-м, когда аборты были запрещены. Почти жертва аборта. И в итоге это была не жизнь, а кошмар. Шизофрения и смерть в психушке. Бабушка говорила, что не хотела рожать Лёню, поэтому он всю жизнь маялся. Но вы, бабы, не понимаете этих тонких материй, вы думаете маткой, а не головой.

МАША. Всё сказал?

МАРК. Нет, не всё. Я уйду от тебя, если ты родишь этого ребенка. И я его никогда не признаю, хоть днк-тест делай.

МАША. Уходи.

Пауза.

МАРК. Ты потом пожалеешь.

Не уходит. Появляется Наташа.

НАТАША. Вот вы где? А мы вас ждем чай пить.

МАРК. Вот твоя родственница пришла и соратница.

НАТАША. Ой, а накурили-то как! Маш, я сколько раз просила окурки в банку складывать и крышку закрывать, у меня же токсикоз (*выбрасывает окурки*).

МАРК. Токсикоз? Синхронизировались, однако.

НАТАША. А может, останетесь, Марк? Мы на вас рассчитывали.

МАРК. А я не рассчитывал.

НАТАША. Я вам и постель уже постелила наверху. Там, правда, душновато, но можно вентилятор включить и окно второе открыть.

МАРК. Я с Андреем попрощаюсь тогда.

Уходит.

НАТАША. Чего это он? Поссорились?

Пауза.

МАША (словно очнувшись). Что?

НАТАША. Извини, я опять не вовремя, наверное, влезла. Помешала вам?

МАША. Нет, нет. Все в порядке. Даже вовремя.

НАТАША. Да ты не расстраивайся. Я вот не обижаюсь, хотя он сейчас со мной как с пустым местом.

МАША. Я не расстраиваюсь. Он хам.

НАТАША. Там диванчик у тебя совсем маленький. Как вы там оба помещались? Я говорила Андрею раскладушку тогда из сарая притащить, но его ведь не допросишься.

МАША. Если бы Марк остался, я бы нашла ему место.

Встает, уходит. Прибегает Наташина собака Клуни.

НАТАША. И вообще, они только пьют, когда вместе. А Андрею нельзя пить. (*кричит Андрею*) Андрей! Андрей! По-моему, у Клуни глаз один закрывается. Андрей, иди сюда, посмотри, что у него с глазом. Андрей!

СЦЕНА 15

Квартира Кирилловых. Маша приходит с вещами. Ольга Сергеевна накрывает на стол.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Машенька, как я рада, что ты смогла прийти.

МАША. У меня сегодня сеанс отменился.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ну и хорошо. Я не хотела тебе сообщать по телефону.

МАША. А что случилось-то?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Не случилось, а свершилось!

МАША. Mam, ты можешь как-то с меньшей торжественностью сообщать новости?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. О такой новости только в превосходных степенях можно сообщать. В общем Бог услышал мои молитвы и род Кирилловых не прервется.

МАША. Для меня это не новость.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как? ты знала и молчала?

МАША. Я случайно узнала, что у Наташи токсикоз. Я думала, ты в курсе.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как же мы все разобщены! Разве это нормально? Так и умрешь, не зная, что у тебя внуки родятся.

МАША. Знаешь, мам, я тебе тоже хотела кое-что сообщить. *(ей трудно говорить)* В общем я тоже. И тоже в июле узнала.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Что? Как? Подожди! Боже мой. Но ты же ушла от Марка!

МАША. Я ушла, потому что он не хочет ребенка. И не только из-за этого.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташенька, тьфу, Машенька, как же так...

МАША. Mam, ты совсем не рада?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Рада в каком смысле? Ты меня ошарашила. Ты уходишь от мужчины и объявляешь о беременности. Это как-то противоестественно.

МАША. Спасибо, мама.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Маша, ну что ж ты обижаешься. Я понимаю твое состояние. У меня с твоим папой тоже было все непросто. Ты знаешь, я тебе рассказывала. Но я ради вас с Андреем, ради семьи решила нести свой крест. И когда у него появилась та аспирантка, я ему отказала в постели, отправила его спать в кабинет, но разводиться не стала. И

поставила ему ультиматум. И ты знаешь, это возымело действие, возымело. Это увлечение закончилось.

МАША. Но больше вы с отцом не спали. И он от этого не шибко страдал.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты ничего не понимаешь. Мы духовно сблизились. И я его не держала никогда, я всегда говорила, что он может уходить. А он выбрал семью.

МАША. Квартиру он эту выбрал на Тверской. А с Лидой он продолжал встречаться.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Неправда! Я бы почувствовала. У него было достаточно денег, чтобы снимать квартиру. Значит, его увлечение было несерьезным, если не выдержало первого препятствия. Но я думала не о своем самолюбии, а о сохранении семьи. (*пауза, другим тоном*) А что, у Марка баба появилась? Ты должна за него бороться, ты не должна вот так легко отпускать...

МАША. Mam, я тебе сказала, почему я ушла. Ты слушаешь только себя. При чем здесь есть баба или нет бабы.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я понимаю, он сложный человек, я не в восторге от ваших отношений, то сходитесь, то расходитесь, в наше время это называлось гостевой брак. Он пьет много, и характер у него тяжелый, и вечно у него какие-то метания. Но он же творческий человек. Он художник! Ты должна это понимать.

МАША. Мама, я тебе не для этого сказала.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А для чего? Чтобы я хлопала в ладоши от радости? Что моя дочь будет матерью-одиночкой?

МАША. Это уже давно не стигма.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как ты себе это представляешь? Ты еще молодая. Вот у Наташи уже критичный возраст. Как мы будем здесь все жить, да еще с детьми.

МАША. Мама, мне некуда уходить. Вы же сдаете бабушкину квартиру.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. И сейчас тем более это подспорье будет. Я не представляю, как бы мы жили без этой квартиры. Ты предлагаешь нас по миру пустить. Наташа не так много зарабатывает.

МАША. А Андрей не пробовал работать? Он же зачем-то учился на сценариста.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты прекрасно знаешь, он не может писать всю эту халтуру, он давно пишет сценарий о войне. Он давал мне читать отрывки. Это потрясающий сценарий, волшебный! Там такой сложный материл, столько нужно исследований.

МАША. Мама, он ни один сценарий дописать не может.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. У твоего брата эпилепсия. Ты забыла?

МАША. У него эпилепсия и поэтому ему можно, у меня нет эпилепсии, и поэтому мне нельзя!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Маша, Маша! Перестань ёрничать! У него приобретенная эпилепсия. Ты меня пугаешь. (пауза) Ой, у меня что-то с головой.

Маша с тревогой смотрит на мать. Берет ее за руку, щупает пульс.

МАША. Что, кружится?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Нет. Как будто это уже было или это продолжение сна, или я не знаю что...

МАША. Ладно, не волнуйся так, мам. Нет никакой беременности. Я пошутила.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Пошутила?

МАША. Да. Пошутила.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ну и шутки у тебя. Так же кондратий может хватить.

СЦЕНА 16

Квартира Кирилловых. Раздается звонок в дверь. Наташа открывает.

МАРК. Я бы хотел с Андреем поговорить.

НАТАША. Тебе не стыдно, Марк, сюда приходите?

МАРК. Что?!

НАТАША. Ты понимаешь, что ты его чуть не угробил. Этот образ жизни не для него. Ему совсем пить нельзя. А ты его нарочно спаиваешь.

МАРК. Я его друг... Мы с шести лет вместе...

НАТАША. Так друзья не поступают. Ты его не любишь, ты думаешь только о себе. А он о тебе спрашивал, почему не навещает.

МАРК. Вот я и пришел его навестить.

НАТАША. Сейчас-то, конечно, пришел, а в больницу не пришел.

МАРК. Я не знал, что он в больнице.

НАТАША. Не знал или не хотел знать?

МАРК. Я хочу его видеть, ты не имеешь права не пускать меня к нему.

НАТАША. Я его не запираю. Он сам не хочет. Он все понял. (*Кричит.*) Дрюнь, выйди. К тебе пришли.

МРАК. «Дрюня»??

Наташа раскладывает приборы на обеденном столе по-своему: вилка, ложка и нож в конверте из салфетки справа.

НАТАША (*раскладывает, приговаривая*). Вилка плюс нож никуда не уйдешь, Куда иголочка туда и ниточка, где ножичек лежит, туда и вилка прибежит, Вилка с ножом - пожени ужа с ежом.

Выходит Андрей.

МАРК. Андрей, мы можем с тобой поговорить наедине? Пойдем отсюда.

НАТАША. Что значит «отсюда»? Это его квартира.

МАРК. Что-то не похоже.

АНДРЕЙ. Не надо так разговаривать, Марк, с моей женой. Наташа очень хорошая. Она заботливая, она меня спасает. Она меня любит.

Выходит Ольга Сергеевна.

МАРК. Ольга Сергеевна, что все это значит? Вы же видите, что происходит?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Марик, у Андрюши был сильнейший приступ, его пришлось отвезти в больницу. И ты ни разу его не навестил.

МАРК. Я не знал, Ольга Сергеевна... Она меня в его телефоне забанила.

НАТАША. Я тебя не банила. Можешь проверить. Андрей, посмотри в свой телефон.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я не понимаю, о чем вы говорите. Бани какие-то. Но я думаю, это к лучшему, что ты не приходил к нему хотя бы в больницу. Ему совсем нельзя пить. Наташа не отходила от него...

АНДРЕЙ. Моя Наташа не отходила от меня в больнице. Я очень ей благодарен. Она любит меня.

МАРК. Вы что, меня не впустите? Ольга Сергеевна, Андрей, это я – ваш Марик. Помнишь, Юрдэн, как ты меня звал?

Андрей молчит.

НАТАША. Мрак. Он звал тебя Мрак.

МАРК. Нет, ты звал меня по-другому, Юрдэн.

АНДРЕЙ. Мрак тебе больше подходит.

МАРК. Помнишь, как в седьмом классе мы сожгли красные галстуки и нас чуть из школы не исключили? И твой папа ходил в школу, а директриса сама ему чай приносила?

АНДРЕЙ. Смутно как-то.

МАРК. Да вы посмотрите, как она приборы раскладывает? Вилка и нож справа, как в детдоме.

НАТАША. Ты был в детдоме-то, знаток этикета?

Марк закуривает.

НАТАША. У нас на балконе курят.

АНДРЕЙ. А какая разница, где вилка и нож лежат? Так даже удобнее. Я ножом, если честно, не люблю пользоваться.

НАТАША (*Марку*). Хватит уже всех поучать. Посмотри в ютубе, там везде так кладут, конвертик называется.

МАРК. Ах, в ютубе, «конвертик». Эх, Юрдэн, Юрдэн.

НАТАША. Дурацкое прозвище. Как будто он казах какой.

МАРК. Сама ты... (Андрею) Юрдэн...

АНДРЕЙ. Марик, в самом деле, детство кончилось. Мне всегда не очень этот Юрдэн нравился.

МАРК. Ты же сам его придумал. Мы же... Ты все забыл. Мы ведь язык свой придумали.

НАТАША. Дрюнь, тебе пора пить лекарство.

АНДРЕЙ. Подожди.

МАРК. А помнишь Григория Васильевича, физика? Как он по жребии к доске вызывал?

НАТАША. Это лекарство надо строго по часам пить.

МАРК. А помнишь, как он дал Трошиной эбонитовую палочку и сказал: натирайте, и как мы ржали?

АНДРЕЙ. Мне надо идти, Мар. Извини.

Андрей уходит.

МАРК (*вслед*). Андрей, я хотел попрощаться. Я за Машей. Хочу предложить ей уехать со мной в Берлин.

Андрей все равно уходит.

НАТАША. Ты? Уехать? Да кому ты нужен? Художник! ребятам о зверятах. Тебе только учебники по зоологии рисовать.

МАРК. Позови Машу, черт возьми! (кричит) Маша!

НАТАША. А Машу оставь в покое. После такого, что ты сотворил, она видеть тебя не хочет. Ей врачи сказали, что на такой поздней стадии она уже детей иметь не сможет. И тебе она этого никогда не простит. Пошел вон.

Марк уходит. Выходит Маша и Ольга Сергеевна.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташа, там Андрей, у него сейчас начнется.

НАТАША. Ну вот, я же говорила, одни только несчастья от этого друга.

(Убегает.)

МАША. Я спала, и сквозь сон слышала голос Марка, он даже встроился в мой сон, но даже когда поняла, не было сил подняться.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ему Наташа так и сказала: Маша спит и видит сны... А он решил: раз с Андрюшей не получается, то про Машу вспомнил.

МАША. А что он хотел?

Наташа возвращается.

НАТАША. Уф, пронесло!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Что, это был не приступ?

НАТАША. Он ауру почувствовал, а я ему нашатыря под нос и ущигнула, дала просто валерьянки и уложила. Включила релакс, заснул под шум прибора.

МАША. Почему ты меня не позвала?

НАТАША. Кого?

МАША. Почему ты меня не позвала, когда Марк приходил?

НАТАША. Так ты же сама мне говорила, что хочешь забыть: везде забанить, в блэк лист номер, имейл в фильтр, чтобы ни одной лазейки...

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Да, Муся, мы же думали, это тебя ранит. Ты же измучилась вся.

МАША. Но человек же сам пришел. Кто тебя просил вмешиваться?

НАТАША. Знаете что, я вам тут не швейцар, угадывать, когда можно, когда нельзя впускать. Сами разбирайтесь со своими бывшими. Уж давно бы замирились, если б хотели. А то Наташа во всем виновата.

Наташа начинает плакать, бросает приборы в сердцах и уходит, приговаривая:

Делаешь, делаешь, стараешься, стараешься и всегда виновата, всегда ненависть.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Наташенька, не надо, ну, Наташ. Мы тебя очень любим.

(*Маие*) Ты не права, Муся, не права. Наташа не умеет читать твои мысли. Так нельзя. Ей тоже нелегко, после выкидыша.

МАША. Выкидыша? Ахаха, и у Наташи выкидыш, какое совпадение!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Как ты можешь так цинично об этом? Для меня это тоже трагедия, Андрюша расстроен.

МАША. Ах, да, род Кирилловых прервался. Ну ничего, попробуют еще раз.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Откуда в тебе такая жестокость?

МАША. Мама, хватит говорить как в школе.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Я просто не понимаю, откуда такой цинизм? Даже Наташа, которая воспитывалась в детдоме, более человечная.

МАША. Она человечна, потом что любит человечину.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ты что, пьяна от своих таблеток? (пауза) В тебе говорит отчаяние. Я понимаю. Но тебе все же следует извиниться. Просто нужно уметь быть благодарной. Посмотри, как она старается: следит, чтобы Андрей не пил, ограждает его от Марка.

МАША. Марк его друг, мама. Она его ограждает от жизни.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Она ездила к нему в больницу, в отличие от вас с Марком. А Марк... ты знаешь, что Андрюше звонили коллекторы и сказали, что Марк вписал Андрея как поручителя. Так друзья не поступают.

Пауза.

Маруня, ты думаешь вернуться к работе? Так же нельзя. И с жильем надо думать. Может, правда, как предлагает Наташа, разменять эту квартиру? Она стоит бешеных денег, можно три квартиры купить и сдавать.

МАША. Из-за меня не стоит идти на такие жертвы, мама. Я пока живу на даче. Ведь ты не против?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Что ты там будешь делать зимой?

МАША. Мама, до зимы еще надо дожить.

Уходит.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (вслед). Наташа, Наташа! Ой...

МАША (в бешенстве). Меня зовут Маша! И я – твоя дочь!

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ну прости, Маша, ну оговорилась, старуха. Может, ты помиришься с Марком? Маша!

Раздается длинный звонок в дверь.

МАША. На Марка похоже. Я сама открою.

Выходит и быстро возвращается. В руках у Маши картина, упакованная в бумагу.

МАША. Картину оставил, сам ушел.

Наташа выходит из другой комнаты.

НАТАША. Опять он?

Маша протягивает картину Наташе.

МАША. Это тебе.

Маша уходит. Наташа разворачивает картину, смотрит.

НАТАША. Сволочь (*судорожно заворачивает картину и уносит ее в свою бывшую комнату*).

СЦЕНА 17

На приеме у гинеколога.

НАТАША. И что ничего нельзя сделать, даже ЭКО?

ГИНЕКОЛОГ. К сожалению, ЭКО вам не поможет. У вас редкая аномалия аутоиммунного характера.

НАТАША. Можете перевести на нормальный язык?

ГИНЕКОЛОГ. Ваш организм воспринимает мужское семя как вражеский агент и убивает сперматозоиды на входе. Они даже не успевают проникнуть в матку.

НАТАША. Такое бывает?

ГИНЕКОЛОГ. Ну, в природе еще и не такое бывает. Может, не нашелся еще ваш мужчина. Потому что в остальном вы абсолютно здоровы.

НАТАША. Нет, нет, нет, я не верю. Должен быть какой-то выход.

ГИНЕКОЛОГ. У вас есть сестра?

Молчание.

ГИНЕКОЛОГ. Или брат, ещё...

НАТАША. А что?

ГИНЕКОЛОГ. Если у вас есть сестра, то она наверняка фертильна.

НАТАША. Что?

ГИНЕКОЛОГ. Плодовита. Есть?

НАТАША. Ну есть у меня две сестры. И да, они нарожали от своих алкашей кучу детей. И мать моя столько абортотв сделала, мама не горюй.

ГИНЕКОЛОГ. Тогда вам не стоит переживать. С точки зрения биологии ваш род продолжается, вы в какой-то степени мать своим племянникам.

НАТАША. Чушь какая-то. Мне, *мне* надо родить ребенка. Понятно? Я бы ему дала все. Почему такая несправедливость. Почему именно я не могу, а она может? Это неправильно.

ГИНЕКОЛОГ. Этот вопрос не ко мне. Да вы так не расстраивайтесь. Возьмите тогда ребенка из детдома.

Наташа молчит, она в прострации.

НАТАША. Я ненавижу детдом и близко к нему не подойду. (пауза) Я сама и есть детдом.

СЦЕНА 18

Квартира Кирилловых. Андрей сидит у своего ноутбука, что-то пытается писать. Наташа убирает квартиру. Пылесосит, протирает полы шваброй, ее явно раздражает бездействие Андрея.

НАТАША. У нас холодильничек сам себя морозит.

Андрей молчит.

НАТАША. Я к тебе обращаюсь, нет?

АНДРЕЙ. Не видишь, я работаю? Если нужно что-то купить, так и скажи.

НАТАША. Вот я и говорю. Твоя мать забывает, что она поела, и опустошила холодильник. Ты мог бы сам за ней следить, когда я на работе.

АНДРЕЙ. Ты можешь дать мне поработать?

НАТАША. Поработать? Ты эту страницу мусолишь уже две недели. Чушь какая-то.

АНДРЕЙ. Чушь говоришь? А рассказ «Звездное небо» тоже чушь? Его в «Октябре» напечатали.

НАТАША. Десять лет назад. Съезди в Ашан, писатель.

АНДРЕЙ. Если так, то вот, удаляю всю папку (*удаляет*), радуйся.

НАТАША. Да зачем удалять-то. Я иногда для смеха почитываю.

АНДРЕЙ. Я запоролю свой ноут.

НАТАША. Только пароль не забудь. А то придется опять Мишу просить хакнуть.

Выходит Ольга Сергеевна.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. А обедать мы сегодня будем?

НАТАША. Ольга Сергеевна, уже обедали, забыли? Полчаса как. Проголодались уже?

АНДРЕЙ. Не разговаривай так с моей матерью, пожалуйста.

НАТАША (*вполголоса*). Твоей матери нужна психиатрическая помощь. Это деменция.

АНДРЕЙ. Сама ты деменция.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Андрюша, а Марк когда придет?

НАТАША. Только Марка здесь не хватает.

АНДРЕЙ. А Марка, действительно, не хватает. (*берет свой телефон*) А не позвонить ли ему?

НАТАША. Опять хочешь отвечать за его долги или головой ступеньки считать?

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Мы же с Марком в преферанс не доиграли. Он когда придет?

АНДРЕЙ (*звонит Марку*). Странно, его телефон сбрасывается. Может, симку сменил? А может, правда, уехал? Так я с ним и не простился по-человечески.

Раздается звонок в дверь. Клуни вскакивает и с лаем бежит в прихожую. Никто не идет открывать. Раздается еще звонок в дверь.

АНДРЕЙ. Почему не в домофон?

НАТАША. Он и в тот раз прорвался. Хитрый, гад. Не подходи, я сама.

Выходит. Мы не видим, но понимаем, что сначала она смотрит в глазок и тут же открывает. В комнату, где сидит Андрей входит сотрудник полиции в штатском и Миша.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА. Ой, Миша, опять обход? Я и забыла совсем! Ты знаешь, у меня иногда вот стали случаться такие провалы в памяти. Но ничего, мои дети обо мне заботятся со страшной силой. В больнице полежала, целebroлизинчику прокапали, теперь пьем таблетки, и никаких стрессов. Миша, а чего вас так мало? В прошлый раз, помню, вас целый взвод приходил.

Полицейский немного растерян, он не понимает, о чем идет речь, вопросительно смотрит на Мишу.

МИША. Ольга Сергеевна, хорошая моя, да вы знаете, оптимизация везде, сокращают, сливают, поглощают, он *(показывает на полицейского)* тут посмотрит, а мы с вами туда пойдём, ага? Чайком не угостите? Как говорится, одна нога здесь, другая тоже здесь...

Так, беседуя, они выходят.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(доставая удостоверение из кармана и обращаясь к Андрею)*. Старший оперуполномоченный Кравцов Владимир Николаевич. Кириллов Андрей Алексеевич вы будете?

АНДРЕЙ *(пораженный)*. Да, это я.

НАТАША *(одновременно с Андреем)*. А что случилось-то?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы знакомы с Марком Борисовичем Рубцовым?

АНДРЕЙ. Да, знаком.

Миша возвращается.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. У вас близкие отношения?

НАТАША. Ну так, заходил.

АНДРЕЙ *(Наташе)*. Да подожди ты. *(Полицейскому)* А что случилось-то?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы не волнуйтесь. Дело в том, что Марк Борисович скончался.

Пауза.

АНДРЕЙ. Что?? О, Господи! Нет, нет, нет! Этого не может быть!

НАТАША. Как, почему?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Идет следствие. Главная версия пока самоубийство, но мы должны отработать все версии.

НАТАША. А какие еще версии?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Убийство мы пока тоже не исключаем.

НАТАША. А как он умер?

АНДРЕЙ. Ты можешь помолчать?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*вопросительно смотрит на Мишу, Миша кивает*). Его нашли повешенным. А вы жена Андрея Алексеевича?

НАТАША. Да.

Андрей очень эмоционально реагирует на новое сообщение полицейского, его начинает мутить.

АНДРЕЙ. Можно... мне выйти? А то меня...

МИША (*бережно приобнимает Андрея*). Конечно, братан, пойдем, проблюемся.

Выходят.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы жена?

НАТАША (*иронично-мрачно*). Нет, домработница.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*смотрит в бумаги*). Что-то не похожа?

НАТАША. Шучу, я шучу. У вас же там все данные есть, верно?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это для протокола. Ваше имя-отчество?

НАТАША. Наталья Ивановна Кириллова.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Когда вы в последний раз видели Марка Борисовича?

НАТАША. Последний раз? Я точно не помню, это был август, по-моему, он приезжал на дачу, а нет, потом он бросил Машу, и она уже жила у нас. А он пришел, в сентябре заходил, числа не помню.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну хотя бы первая половина сентября или вторая. Может, вспомните, какой праздник?

НАТАША. Ну какой в сентябре может быть праздник? Только 1 сентября. Даже вспоминать тошно. Это было не 1 сентября. И шел дождь, да.

Только Ольге Сергеевне не говорите ничего. У нее и так с головой проблемы. Пока Андрея нет, я вам скажу кое-что. А то для него это очень травматично.

Полицейский с готовностью кивает.

НАТАША. Они дружили со школы. Он тут пасся постоянно. То есть... ну видите, элитный дом, весь в табличках: известный артист, генерал, там, авиаконструктор и так далее. И Марик тоже из такого же дома. И он приходил постоянно, в основном бухать с Андреем. Даже без Маши. То есть когда у него там какой-нибудь кризис творческий или не знаю, долги. Вот он приходит, то есть приходил.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Без Маши. Маша это кто?

НАТАША. Это золовка моя, сестра Андрея.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Какие у них были отношения.

НАТАША. Да разве это отношения? Девка хотела наконец ребеночка родить, часики-то тикают, а он ей устроил: ребенок будет нежеланный, то сё, ну и она аборт сделала. И у неё всё после этого. Депрессия.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Мария Алексеевна Кириллова здесь проживает (*смотрит в бумаги*) или по месту прописки?

НАТАША. А какая у нее прописка?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Кутузовский проспект, 23.

НАТАША. Это же квартира Андрея, мы ее сдаем. Так что живет она пока на даче, в Жаворонках.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наталья Ивановна, может, вы кого-нибудь подозреваете? У Марка Борисовича были враги?

Пауза.

НАТАША. У него долги были. Он, по-моему, употреблял, ну понимаете...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наркотики?

НАТАША. Я сама не видела, у нас это табу. Я даже курить здесь особо не поощряю, а уж это сразу бы заметила. Просто наркота дело дорогое. Вот куда надо рыть, я считаю.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А не могли они поссориться из-за Марии Алексеевны, брат и ее... бойфренд типа?

Заходит Миша.

МИША. Наташ, можно в порядке исключения, я покурю? Тоже в шоке, если честно.

НАТАША. Да кури, конечно, Миш. Только окурки вон в ту баночку потом убери.

МИША (*закуривает*). Уберу, уберу. Я сам терпеть не могу, когда в доме окурки. Анька курила много, придешь домой, окурков гора. А я бросить тогда пытался. Как будто пепельницу целуешь, сколько говорил ей.

НАТАША. Ничего. Ты кури, кури.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так вы про долги начали. Что у Марка Борисовича были долги.

МИША. Да, Володь, я подтверждаю, он был шебутной.

НАТАША. Вот! (*что-то ищет в телефоне Андрея*) Вы даже можете пробить этот номер у него в телефоне, если, конечно, я не удалила. (*ищет*) А, я ему его заблокировала.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Наверняка симка левая.

НАТАША. Андрею звонили коллекторы, потому что этот придурок, ой, извиняюсь, Марк то есть, его в поручители записал, втемную, понимаешь?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Коллекторы? А сумма долга какая?

НАТАША. Погодите, погодите, а это законно вообще всё, Миш, а? Вы как-то так зашли сбоку, расспрашиваете, знаете, нам проблем этих не надо. Андрей человек больной. У него запросто может сейчас приступ начаться.

МИША. Да, Володь, давай уже закругляться. Первый срез сделал и хорошо. Ясно же, они ни при чем.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что ж, спасибо вам за информацию, Наталья Ивановна. Вот мой телефончик. Настоятельно рекомендую ничего пока не стирать из телефонной книги.

НАТАША. Конечно, мы же понимаем. Я вообще люблю сериалы про ментов, то есть полицейских.

Провожает его в прихожую. Миша пока остается в комнате. Садится рядом, берет из горки бокал, наливает себе коньяку, выпивает. Входит Андрей.

АНДРЕЙ. Ушел наконец-то. Как так можно, никакого сочувствия.

МИША. Да, вот удар-то. Такая полоса, видно. То Аня, теперь друг детства, да, Дрюнь? (*берет его телефон*) Вот как у нас всё симметрично. У тебя тут от нее вызовов, эсэмэсок до фига, я смотрю. Хочешь, сотру, чтоб вопросов не было?

АНДРЕЙ. Так ведь он сказал, нельзя.

МИША. Мне можно. (*стирает*)

Пауза.

АНДРЕЙ. Ты по Ане скучаешь?

Пауза.

МИША. По Ане? Думаешь, я бесчувственный. Ты, кстати, мне даже соболезнования не принес.

АНДРЕЙ. Прости. Я тоже в шоке был, если честно, не подумал. А потом как-то неудобно было.

МИША. Ничего, проехали. Но видишь, тебе бог послал сразу прекрасную жену, я даже завидую. И друга пошлет, настоящего, поверь, который будет помогать. Для этого друзья и нужны, а остальные все это не друзья, а шелупонь.

Наташа возвращается.

НАТАША. Давайте-ка и я уж за помин души. (*Берет рюмку, Миша наливает Наташе, себе и Андрею*). Какой-никакой, а друг детства.

МИША. Ну, чтоб земля пухом

Наташа и Миша выпивают.

АНДРЕЙ. Что это за пожелание совковое. За упокой души надо говорить (*выпивает*).

НАТАША. Нормальное человеческое пожелание! Все так говорят. Извини моего мужа, Миша.

МИША. Да я понимаю, он в стрессе.

НАТАША. Здесь все в стрессе. Извинился бы хоть.

АНДРЕЙ. За что?

НАТАША. Есть за что. Миша, муж и жена одна сатана, и я как вторая половинка выражаю тебе извинения. Прости его.

МИША. Да ладно, Наташ. Ну чего ты так? Я уже всё всем простил.

Входит Ольга Сергеевна.

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА (*обращаясь к Наташе*). Клава, в кабинете Алексея Владимировича надо пропылесосить книги. Там такая пыль! Андрюша, а что вы тут отмечаете? А вы (*всматривается в Мишу*), вы новый водитель папы? Николай, кажется, да? Пора на дачу. Пойду соберу чемодан. Клава, поможешь мне?

(Уходит. Все молча переглядываются.)

НАТАША (*звонит по сотовому, долго слушает, говорит автоответчику*). Маша, ответь ради Бога. Ты, наверно, про Марка знаешь уже? Андрей в напряге, к нам мент приходил. Ольга Сергеевна совсем кукухой поехала, заговаривается. Мне на работу надо. Приезжай, а? (*ждет какое-то время, нажимает отбой*) Не отвечает.

МИША. Наташ, иди к своим спиногрызам, я с ним посижу и Ольгу Сергеевну покараулю. У меня таблетки есть, от которых она спать будет как убитая.

НАТАША. Спасибо, Миш. Ты настоящий друг.

МИША. Да ничего, Натах, все устаканится. Кстати, Наташ, у нас есть пансион для ветеранов.

НАТАША. Но она же не из ваших.

МИША. Можно решить.

НАТАША. Ну, я даже не знаю, Миш. Спасибо тебе. Я с ним поговорю. (смотрит на часы) Всё, я побежала. (уходя). Только пить много ему не давай.

МИША. Не дам.

Наташа уходит.

СЦЕНА 19

Квартира Кирилловых. Миша и Андрей.

АНДРЕЙ (уже очень пьяный). Понимаешь, он был мой единственный друг (опрокидывает стопку, бьет себя в грудь). Он был... Мы с ним в один детский сад ходили, понимаешь? Он вот жил в соседнем доме. (пьет)

МИША. Тебе хватит.

АНДРЕЙ. Он был такой выдумщик, фантазер. У него ключ был от чердака, и это было наше секретное место, только вдвоем, я притащил отцовский полевой бинокль, и мы там в шпионов играли, в окна подглядывали, а ночью луну рассматривали, я даже астрономом хотел стать. А еще он как-то привел туда Ленку Манькову и мы ее рассматривали (пьет).

МИША. Это сколько вам было?

АНДРЕЙ. Да лет 7-8.

МИША. Чё, дровичи уже?

АНДРЕЙ. Не, ты что! Мы ж маленькие еще были.

МИША (усмехается). Маленькие. А мы с пацанами уже в 8 лет траву курили и у малышни мелочь забирали.

АНДРЕЙ. Ты – гопник?

МИША. Мы просто были чёткими пацанами. И всё. Порядок наводили.

АНДРЕЙ. Вы ходили в клетчатых штанах и били неформалов.

МИША. Хиппарей волосатых, панков, извращенцев всяких метелили. Было дело.

Миша подносит рюмку ко рту, пригубляет. Видно, что он тоже изрядно выпил и пить больше не может. Андрей почти спит за столом. Звонит сотовый Миши.

МИША (тихо в трубку). Да, Наташ, угу, я с ним, да. Много. Ну что тут сделаешь. Я понимаю, что нельзя. Угу, угу. Ольга Сергеевна спит. Конечно, я тебя дождусь.

Андрей просыпается.

АНДРЕЙ. Ты с кем там?

МИША. Жена твоя звонила.

АНДРЕЙ. Жена моя. Да, это моя жена так называемая. Это он из-за нее. Понимаешь, он из-за нее. Она его выгнала, она, как бульдозер, раздавила нашу дружбу. Сровняла с землей (*пока Андрей говорит эту длинную реплику, Миша его успокаивает, похлопывает по плечу, приговаривает что-то вроде «Ладно, старик», «успокойся», «не горячись», «она хотела как лучше...», а Андрей увертывается от этих прикосновений и продолжает*) Он приходил, твой поделщик в погонах, интересовался, когда в последний раз Марик к нам приходил. Вот в последний раз он приходил, а она его на порог не пустила. Эта сука не пустила моего друга, ты понимаешь?

МИША. Это ты зря так про Наташу. Она о тебе заботится, о матери твоей. Зачем так-то?

АНДРЕЙ. Что?! Заботится? В гробу я видел ее заботу! Пусть уматывает отсюда в свой Ростов или откуда она там.

МИША. Тааак, тебе, наверно, хватит уже старик, краник пора закрывать.

АНДРЕЙ (*агрессивно*). А это не тебе решать. Решало. Ты что тут делаешь? А? Что ты тут расселся? Вертухай! Вся страна вертухаев.

Миша каменеет.

МИША. Что ты сказал?

Андрей бормочет что-то невнятно.

МИША. Ты как меня сейчас назвал? (*хватает его за футболку*) Вертухай, значит?

АНДРЕЙ. Бычьё.

Миша нагибает Андрея к столу лицом, так что все что на столе, разлетается.

МИША. Только из-за Наташки ты еще жив, гаденыш.

Миша отпускает Андрея, отходит, закуривает.

Входит Маша. Видит разгром.

МАША (*удивляясь неожиданному дуэту*). Миша? Что здесь происходит?

МИША. Да вот, буянит твой братан. От горя. Меня Наташа попросила посидеть. И у Ольги Сергевны закос мощный.

МАША. Я знаю. Слышала сообщение. Спасибо, Миша, тебе за помощь, ты можешь идти.

МИША. А ты одна справишься? Он буйный. Может, нарколога позвать? У меня есть знакомый.

МАША. Спасибо, Миша. У меня тоже есть. Я его на дачу отвезу.

МИША. Хочешь, помогу погрузить тело?

МАША. Это не тело, Миша, это мой брат.

МИША. Ну это я так, юморю. *(пауза)* Ну ты это, если что надо там помочь, звони в дверь.

МАША. Хорошо. Спасибо.

МИША. Ну лады, я пошел тогда. Просто его же одного нельзя было... А ты не отвечала.

АНДРЕЙ. Больше чтобы его здесь не было. Пусть катится.

МАША. Андрей, он уходит.

МИША. Ухожу, ухожу, любимые соседи.

Уходит.

АНДРЕЙ. Чего? Чего они все от нас хотят?

МАША. Тебе надо лечь, Андрей.

АНДРЕЙ. Не хочу я ложиться.

МАША. Я тогда тебя на дачу отвезу. Тебе нельзя здесь.

АНДРЕЙ. На дачу. А Наташа туда поедет? Я не хочу с ней, я ее убью, тварь.

МАША. Замолчи! Дурак!

АНДРЕЙ. А ты знаешь, ты знаешь, что эта твоя Наташа, что эта Наташа его выгнала отсюда. Когда он ей сказал: а ты кто такая? И она взяла его сумку и за дверь выставила. А потом, потом, он звонил снизу. И мы его не пустили. А потом... потом он мне звонил всегда пьяный, всегда. И он говорил: Юрдэн, Юрдэн, меня хотят убить. Он! Мне! Говорил! Понимаешь? А я, а я... а я думал, это пьяный бред и говорил ему: да иди ты проспись, Мар. Вот так. А теперь мне приходит домой мент с этим вертухаем и говорит, что его нашли в квартире. Понимаешь? Нашли в квартире повешенным. Он там прови... находился неделю, соседи вызвали. А он мне звонил как раз вот как раз тогда.

(выпивает еще стопку).

МАША. Андрей, я даже не знаю, что сказать *(плачет)*. Он мне тоже звонил и писал.

АНДРЕЙ *(тянется к Маше)*. А знаешь, знаешь, ты знаешь, что... *(пытается поцеловать)*, а давай ляжем вместе. Наташ, Наташа...

МАША. Меня зовут Маша.

АНДРЕЙ. Ууууу. Прости, прости. Маш, Маш, я лягу, если ты со мной полежишь. Наташ, тьфу, Маш, обними меня.

МАША *(пытается уложить его на диван)*. Воот так. Наташа скоро придет.

АНДРЕЙ. А пошла бы она.

МАША. Андрей, Андрюша *(он ложится, все еще обнимая ее, на диван, бормочет)*...

АНДРЕЙ (лежа на диване). Я... я... ты знаешь, мы... почему мы раньше не... почему... Ты... вот я не понимаю... ты... я ... тебя... очень люблю. (закрывает глаза) Давай обнимемся. Я только тебя люблю.

МАША (садится рядом, гладит его по голове). Андрей, тебе надо поспать...

АНДРЕЙ. Как приятно. Какая у тебя легкая рука. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

МАША. И я тебя люблю. Как брата. Андрей. Как брата...

АНДРЕЙ. Сестра... Ну, ну... вооот... что... что это что это... ты не понимаешь, ты понимаешь, что ты не понимаешь, как я его любил, он был мне как... брат. Как брат и он звонил, он... (Андрей засыпает, раздаётся храп).

Слышен звук открываемой двери. Входит Наташа.

НАТАША (заглядывая в комнату). Ой, Маша, ты тут? Ну как тут? (оглядывает комнату) Ой, что тут драка, что ль, была?

МАША. Заснул. Мне надо с тобой поговорить. Пошли на кухню.

Уходят на кухню. Андрей спит.

СЦЕНА 20

9 мая. Дача Кирилловых. В беседке Наташа, Миша и Андрей играют в три листика. Заметно, что Наташа беременна. На стене висит картина Марка. Это огромная анаканда.

НАТАША. Дрюнь, ну чего ты тупишь.

АНДРЕЙ (думает). Ну я пас, наверное.

НАТАША. Да чего ты все ссышь-то. В тот раз ты мог бы взять банк. Если у тебя 19 очей, то надо делать ставку, а не сидеть.

АНДРЕЙ. Не понимаю я эти ваши три листика. Банк, ставки эти, торговля. Бессмысленная какая-то игра.

НАТАША. Нормальная игра, не хуже вашего преференса.

АНДРЕЙ. Пре-фе-ран-са!

НАТАША. По голову себе постучи! По-английски preference! (принюхивается) Пахнет. Опять где-то окурки.

МИША. Да не, тебе кажется.

НАТАША. Нет, это от тебя. (принюхивается к Андрею) Опять куришь?

МИША. Натах, харе давить, ты не в детсаде. Давай лучше играть, да, Дрю? (пауза) А я... я, пожалуй, проставлюсь (*кладет купюру*).

НАТАША. Уф. Так-так-так. Черт с тобой. Я тоже повышаю (*кладет купюру*).

МИША. Хо! (*еще кладет*) Вскрывается?

Все трое показывают свои карты. Наташа смотрит на карты Андрея.

НАТАША. Дрюнь, ну ты даешь, у тебя ж джокер, ты чего сидел-то?

АНДРЕЙ. Где джокер?

НАТАША. Ну шестерка пиковая!

АНДРЕЙ. А... я думал трефовая.

НАТАША. Крестовая, а не трефовая надо говорить! Ты нарочно издеваешься (*бьет его картами по голове*)? Блин, ну почему мне джокер никогда не приходит, а дуракам везет (пауза). Ты дурак, Андрей? Ладно. Так, считаем, сколько у нас с Мишаней.

АНДРЕЙ (*про себя*). Да, я дурак.

МИША. Хо! У нас с тобой по двадцать одно. Ну что, варим?

НАТАША. А то! Варим! Дрюнь, ты будешь с нами варить? (*принюхивается*) Все-таки откуда этот запах. Что-то протухло?

МИША. Это у тебя от нервов. Ты бере...

НАТАША. Тссс. Не говори это слово, не говори, не говори.

МИША. Я забыл, а что говорить-то?

НАТАША. Колобаша.

МИША. Точно. Наташа колобаша! Так ты колобаша, вот и обострился нюх, да?

АНДРЕЙ. Я устал что-то, солнышко. Пойду полежу.

НАТАША. Иди, иди, мой сладкий. Только текилку не трожь. И принеси хересу (*Андрей уходит, Миша сдает*).

МИША. Тебе ж нельзя.

НАТАША. Ну я чутка.

МИША. Подними. (*Наташа снимает, он раздает.*) Как Ольга Сергеевна?

НАТАША. Ой, Миша, не знаем, как тебя благодарить. И как тебе это удалось!

МИША. У меня просто льгота неиспользованная.

Возвращается Андрей с бутылкой и бокалами.

НАТАША. Это бокалы для вискаря. Неси те, на ножках, матовые, которые мы из Черногории привезли. Там, в коробочке. (*Андрей уходит.*) Сколько можно объяснять. А почему пахнет окурками? Откуда этот запах. (*кричит*) Андрей! Где ты оставил полную пепельницу. Блин. Сколько можно объяснять. Ищи давай, а то ноут отберу. (*смеется*) Когда я про ноут, он боится. Ну что там у нас (*смотрит карты*). Я первая говорю?

МИША. Ага.

НАТАША. Ну блин.

Слышен грохот.

МИША. Это чё?

НАТАША. Да, опять бьется.

МИША. Может, там помочь надо?

НАТАША. Надо бы. Пошли вместе. Знаешь, как трудно его держать одной.

МИША. Так а я на что?

НАТАША. Слышь? Кто-то идет. Машка приехала, надо идти, иди встретить ее. Быстрой.

Уходят. Затемнение.

ФЛЭШБЕК. СЦЕНА ИЗ ПРОШЛОГО

1998 год. Боулинг. Андрей на 20 лет моложе, работает крупье. К нему подходят люди в малиновых пиджаках. Он тасует карты. Они играют. Или он раскручивает рулетку. Они проигрывают.

Андрей идет в подвальное помещение, в туалет. К нему подходят два парня в кожаных куртках.

Начинают его бить, он падает, ударяется головой о писсуар, течет кровь. Парни смотрят на него с презрением, сплевывают, бросают карту на его грудь. Один мочится на него. Они уходят.

КОНЕЦ

2020-2023